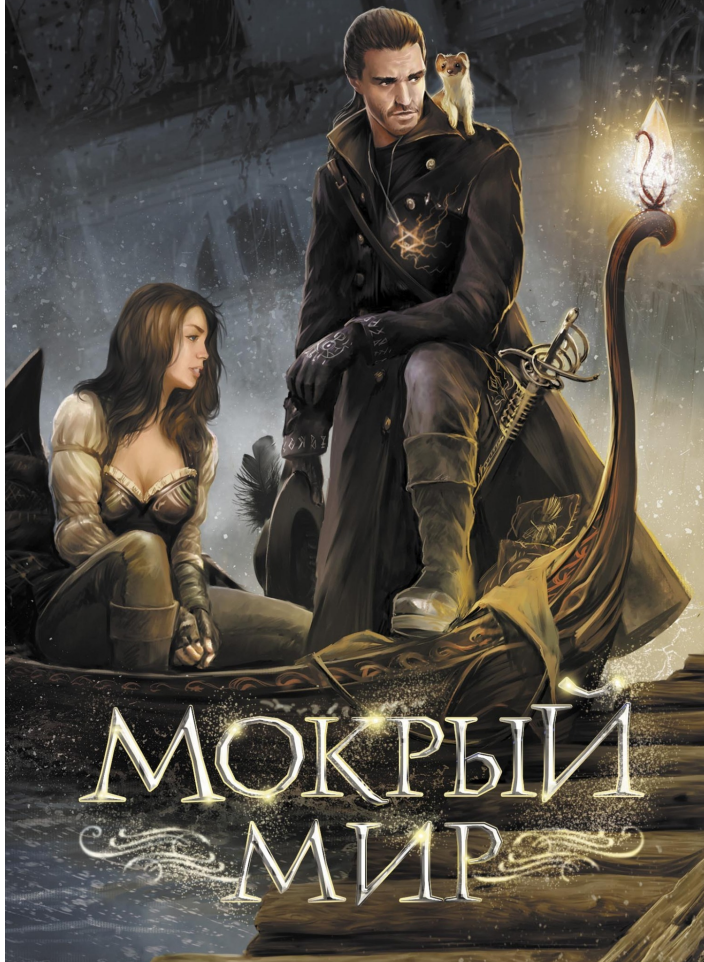

Максим Кабир
Дмитрий Костюкевич

Максим Ахмадович Кабир
Дмитрий Костюкевич
Мокрый мир
Серия «Дети Великого Шторма (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67100511

Мокрый мир: Издательство АСТ; М.; 2022

ISBN 978-5-17-145422-7

Аннотация

Мир после катастрофы, о которой никто не помнит. Мир, в котором есть место магии, голосам мертвых и артефактам прежней эпохи. Мир, в котором обитают кракены. И убийца кракенов, Георг Нэй, придворный колдун из Сухого Города. Мир за пределами острова-крепости – Мокрый мир, солёный и опасный, подчиненный воле Творца Рек. Неисповедимо течение темных вод. Оно может поглотить Нэя или сделать его легендой.

И да поможет Гармония смельчакам, покинувшим клочки суши ради правды, похороненной на дне Реки.

Содержание

1. Чрево Кита	5
2. Хороший улов	56
3. Гром и молнии	115
4. Глупая рыба	170
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Максим Кабир, Дмитрий Костюкевич Мокрый мир

© Максим Кабир, текст, 2021

© Дмитрий Костюкевич, текст, 2021

© Максим Никифоров, обложка, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

1. Чрево Кита

Высокий темноволосый человек стоял на носу гондолы и всматривался в белесую дымку. Гондола цвета запекшейся крови бороздила мутные воды Мокрого мира. Нос лодки изгибался слоновьим хоботом, его венчала причудливая лампа в форме кристалла. Свечение разгоняло ранние сумерки. За спиной брюнета, на миделе и корме, двое кряжистых гондольеров без усталости орудовали веслами. Они не спали, не ели и не разговаривали с тех пор, как лодка покинула Полис.

Брюнет был худ и внешне отличался от жителей Оазиса, сплошь упитанных и разнеженных. Но черный сюртук, пошитый из дорогого атласа, черные брюки и шляпа с пером указывали на то, что и рыбаком Кольца он не являлся. Своим орлиным носом и бледным каменным лицом он напоминал украшение быстроходной гондолы, кормовую статую. Он замер, словно оцепенев, лишь забранные в косичку на та-котский манер волосы шевелились от удушливого ветра, да шпага в ножнах легко постукивала по бедру.

Шею мужчины обвила живая ласка. Черные глазки животного смотрели туда же, куда и хозяин. Шерсть серебрилась в свете лампы.

Три дня плыли они мимо лесистых берегов и ошестинившихся горельником скал, мимо утесов и мраморных великанов, по колено стоящих в омуте. Меж ног покалеченных

колоссов, сквозь усеянные фальшивым жемчугом врата, под беззвездным небом. Так долго, что сады и фонтаны Оазиса казались миражом, а лачуги Кольца – раем по сравнению с тем, что представало перед путниками.

Мужчину звали Георг Нэй, и одно это имя отворяло двери дворцов, заставляло нервничать придворную рать, внушало страх врагам Сухого Города. Мальчишки дрались за право называть себя Георгом Нэем в играх, а гувернантки герцога Маринка томно вздыхали, представляя его серые глаза и ловкие руки.

Нэй был одним из тринадцати колдунов Полиса, но, если его коллеги предпочитали прятаться в пыльных колодцах, упиваясь старинными манускриптами, и изредка, по приказу вельмож, выбираться на поверхность, то Нэя угнетал затхлый воздух подвальных библиотек. Колдуны, точно слепые кроты, копошились в тоннелях под башнями, производили для милорда золото, искали способы защитить крепость от кракенов или просто дрыхли, как устранившиеся от дел Четверо Старых во главе с достопочтенным Улафом Усом. Нэй рубил кракенов клинком, золото тратил на усовершенствование гондолы и навещался в покои к герцогу как к себе домой.

Но и его, могущественного Нэя, обуревала тревога. Ветер окроплял лодку моросью. Низкие тучи кочевали над дырявыми кровлями и закопченными печными трубами. Там, где еще весной кипела жизнь, теперь жужжали насекомые и

гнездились двуглавые аисты. Тьма заползла в дома и погасила камельки. Деревня опустела. Тоскливо плескалась вода, омывая сваи, жирные бобыры отдыхали на ступенях заколоченной таверны.

За два дня Нэй не встретил ни единой живой души. Только плоты с забинтованными покойниками плыли вниз по течению.

В пелене промелькнули летучие мыши.

Три заклятия творил колдун одновременно: отгонял комаров, управлял гондольерами и слушал Вийона. Он хотел бы применить и четвертое: погасить в себе все низменное, человеческое, но даже он, ученик Уильяма Близнеца, был не способен контролировать больше трех магических процессов разом.

Скоро, – прошелестел голос в черепной коробке Нэя. Это ласка послала ему сигнал. Зверек заерзал, забил хвостом по плечу хозяина. Подергал треугольной мордочкой.

Приготовься.

Нэй прикоснулся к эфесу шпаги. Расстегнул клапан прекрасной кожаной кобуры – подарка от особо горячей вдовы.

Впереди из дымки медленно выступало темное продолговатое пятно.

Это они, – сообщила ласка.

Вернее, существо, внешне напоминающее ласку, Вийон, его компас за стенами крепости.

Пятно зыбко меняло очертания, становясь хлипкой джон-

кой с бамбуковой мачтой. Прямоугольный парус, утяжеленный вшитыми в ткань латами, вяло шевелился под сбивчивым дыханием ветра. Туман окуривал рангоут, надстройку и три фигурки на борту.

Нэй отдал команде беззвучные распоряжения. Багровая гондола поравнялась с парусником. Взор колдуна зафиксировал печать речников на борту. Впрочем, такую печать ставили за минуту в браконьерских поселках.

Люди, машущие ему, не были похожи ни на браконьеров, ни на пиратов. Коротышки в аляповатых ханьфу, с костяными гребешками в хитроумных прическах. Нэй не расслаблялся, присматриваясь к широким рукавам курток. Особенно его интересовал сидящий у надстройки старичок, такой безмятежный, раскачивающийся болванчиком. Глупые поддобострастные улыбки застыли на физиономиях коротышек.

Колдун мысленно отпустил нити заклинаний. Его гондольеры обмякли, ласка соскользнула с плеча и скрылась под скамьей, комары загудели алчно.

– Приветствую, – сказал Нэй на речном языке. Пальцем он нарисовал в воздухе знак тайной полиции. Знак полыхнул зеленым и рассеялся. Коротышки уважительно заблели. Старик отвешивал поклоны и тарашил глаза.

– Назовите себя.

– Мы торговцы, господин, – хором зачастила парочка. – Мы везем рыболовные снасти, непромокаемые спички и червей.

– У вас есть разрешение на торговлю волшебными предметами? – строго спросил Нэй и перебрался на борт парусника.

– Наш товар не волшебный, господин. Это обыкновенные снасти и обыкновенные черви.

Старичок кланялся быстрее и быстрее. Пот тек по его вискам. Мотылек размером с ладонь впорхнул в свет горящих у надстройки ламп.

– Обыкновенные речники, – промолвил Нэй, – с обыкновенным товаром.

Коротышки яростно закивали. От улыбок их губы побелели, заплетенные в косы бородки мотались маятниками.

– Здесь произносилось заклятие, – безошибочно определил Нэй.

Мотылек кружил над коническими шляпами коротышек.

– Обыкновенное заклятие, – пропищали речники в унисон, – для попутного ветра.

Мотылек спикировал к речникам, расправил длинный хоботок с крючком на конце... и вдруг ретировался в панике, ударяясь о парус.

Нэй ухмыльнулся. Неспешно вынул из сюртука плотный пузырь с мерцающей внутри коричневатой жидкостью. И швырнул его под ноги коротышкам. Пузырь лопнул, дымка заволокла корабль. Шпага сверкнула в руке Нэя.

Противник не мешкал. Коротышка прыгнул из-за завесы. Маска его испарилась, явив истинный, покрытый чешуей

лик. Желтые глаза рассекал вертикальный зрачок. Костяные наросты топорщились на облысевшем черепе. На Нэя скалился адепт Змеиного Клана, мерзейшей из многочисленных сект Реки.

Ядовитая игла целила в грудь колдуна. Раздвоенный язык лизал клыки. Нэй отбил атаку и сделал грациозный выпад. При всей гнусности клановцы были довольно тупы и неповоротливы. Клинок погрузился в дряблое горло твари. Зловонная жижа брызнула из раны. Повторный удар распорол глотку от уха до уха. Заливаясь желтой кровью, коротышка повалился на пайол.

Джонка дымилась, как погребальное судно северян. Нэй вертелся вокруг своей оси.

– Именем Порядка, – чеканил он, – именем Гармонии, за вторжение на территорию Полиса, за обман и воровство я приговариваю вас...

Он почуял опасность затылком. Крутанулся на носках. Шпага выбила иглу из лапы второго коротышки. Вильнула, разрезая чешуйчатую плоть. Сталь чиркнула о ребра.

– К смерти, – сказал Нэй, пронзая черное сердце клановца.

Труп упал за борт. Река приняла подношение. Ветер растащил клочья дыма. У надстройки как заведенный кланялся старичок.

Любопытный Вийон высунулся из-под лавки и следил за хозяином.

Нэй жестом оградил себя от разъяренных комаров. Подошел к старичку и вырвал костяной гребень, освобождая космы. Волосы распались, из седых стремительно становясь каштановыми. Вместо сморщенного азиата перед колдуном сидела юная и весьма симпатичная особа. Испуганные глаза, искусанные губы, руки, связанные шелковым шнурком. Нэй аккуратно перерезал путы и снял печать молчания.

– Сухие мощи! – воскликнула пленница. – Я думала, что задохнусь.

На вид ей было лет восемнадцать. Слишком взрослая по меркам Кольца, чтобы оставаться незамужней. Но мизинцы и мочки ушей были не срезаны, а значит, отец-рыбак – единственный, кто ждал ее в Полисе.

«Странно, – отметил Нэй, – рыбацкая молодежь охотно берет в жены горбуний и карлиц. Чем не угодили им эти мягкие щеки и пухлый рот?»

А из пухлого рта тем временем сыпались проклятия. Туфельки колотили по мертвому клановцу.

– Гад! Змееныш! Касался меня своими липкими пальцами! Превратил в старика!

– Успокойся, – велел Нэй. Он заглянул в бамбуковую надстройку и сразу отпрянул. Заклятие, маскирующее запахи, прекратило действовать, груз джонки смердел, как трюмы Всеядного Братства. Переплетенные щупальца, тухлый жерех, панцири раков и позеленевшие рыбы кишки. Пища падальщиков.

– Святые сети! – шумела девушка. – Мне теперь не отмыться! Я провоняла этой дрянью.

Она тряхнула роскошной гривой. Таким волосам позавидовали бы во дворце Маринка. А ведь обычно девицы Кольца ходили с немытыми измочаленными космами, пахли ненамного лучше джонки, и их руки были в мозолях и язвах от тяжелого труда.

Нэй доверял Вийону, но перестраховался, спросив:

– Ты – Лита? Лита, дочь Альпина?

– А кто же еще? – Девушка уставилась на одеяния спасителя, на широкополую шляпу с пером. – Ты из Оазиса? Придворный колдун?

– Ты прозорлива.

– Разве колдуны Полиса патрулируют в Мокром мире?

– Нет, увы. Я искал тебя.

– Меня? – Лита расхохоталась гортанно. Бог, сотворивший Реку, подарил ей ангельскую внешность, но пожадничал, наградив смехом донной гиены. – На кой черт высокопоставленному чинуше простушка из Кольца?

– Не бойся, я не альтруист. Твой отец заплатил мне.

Лита ответила новым приступом хохота.

– Что он тебе дал? Дырявые сети? Ракушку? Вы создаете золото из ничего, а мой папаша нищ как портовый пес. Удача покинула Кольцо, чертов Маринк увеличивает налоги ежедневно. Так чем же расплатился этот старый дурак?

Понимание омрачило смазливое личико девицы. Ее губы

вытянулись в струну, на виске забились жилка.

– Кулон? Он дал тебе кулон?

– Забавная вещица. Из прежних времен.

– Это все, что осталось от моей матери. Он не мог расстаться с ним.

– Вероятно, твоя жизнь для него дороже бирюлек.

– Бирюлька – это твой детородный орган, – парировала Лита. – Кулон стоит всех доходяг Кольца.

Волны били о борт джонки. Вечерело, и летучие мыши ловили в сумерках мотыльков.

– Предлагаю продолжить разговор на моей лодке.

Лита, ворча, перебралась в гондолу. Команда Нэя ожила, послушно заработала веслами.

– Это что, големы? – изумилась девушка.

– Они самые. Не нужно...

Но Лита уже кинулась к гондольеру на миделе и захлопала в ладоши перед непроницаемой плоской мордой.

– Перестань...

Лита потыкала пальчиком в приплюснутый нос голема. Отщипнула кусочек глины.

– Не трогай их! – разозлился Нэй.

– Ой-ой. Какое сокровище – болваны из грязи. А это кто? – Лита переключилась на Вийона. – Какая милая зверушка!

Ужаснувшийся Вийон метнулся к хозяину, вскарабкался на его плечо и оттуда с подозрением изучал наглую девку.

– Он не милый, – сказал Нэй, – и он не зверюшка. Вийон – дух, который помог тебя найти.

– Дух-сурок. – Лита плюхнулась на скамью и приобняла гондольера за колени. В полутьме вырисовывались здания миссии, заиленные, обросшие ракушками. Остов севшей на мель шхуны догнивал у цирюльни. Нэй вспомнил свой давнишний визит в недра громадного парома и неприятное знакомство с поселившимся там тритоном.

Закрытие отваживало от гондолы комаров, сомов и аистов, но не туман, липкий, словно обнаруженные на паруснике щупальца неведомого монстра.

– А правда, – спросила Лита, – что клановцы едят людей заживо?

– Байки, – сказал Нэй, располагаясь на носу. Беззастенчивый взгляд простолюдинки был ему непривычен. Жители лачуг прятали глаза, завидев колдунов, страшились проклятий. – Клановцы не питаются свежатиной. Они подождали бы, пока ты сгниешь.

– Они приносят жертвы Речной Змее?

– Девственниц и детей.

Лита передернулась.

– Ладно, – сказала она, глаза на спасителя, – выходит, ты – Георг Нэй. Тот самый убийца кракенов из книжек Джона Бабса?

Джон Бабс был литератором, кропающим биографию Нэя – приукрашенную или вовсе вымышленную.

– Выходит, так.

– Мои подружки от тебя без ума.

Нэй приосанился. Он смотрел на кисти девушки и задавался вопросом: чем думает рыбак Альпин, не приучая дочь к физическому труду? Хочет умереть от голода, раздавленный налогами милорда? Воспитать белоручку? Но его ненаглядная дочурка не гуляет по паркам и скверам Оазиса. Она родилась в Кольце и в Кольце умрет, харкая кровью от туберкулеза. Шестое правило Полиса гласило: «Туберкулез – мудрая болезнь, и лечить его – преступление против Гармонии». Конечно, когда дело касалось закашлявшего вельможи, придворные лекари могли нарушить закон.

Прямой и открытый взор Литы смущал. Смущали ее вздорные глазища и высокая грудь под домотканым платьем. Нэй прочистил горло:

– Твой отец сказал, что клановцы проникли в Кольцо через дренажные трубы.

– Мой отец соврал. Ему известно, что мерзавцы похитили меня на рифе. Он боится, что нас накажут за неповиновение.

Нэй кивнул. Отплывать за воды Полиса без специального разрешения было строго-настрого запрещено. Даже ему, тайному агенту Маринка. Первое правило системы безопасности.

– И что ты забыла на рифе?

– Слушала музыку.

– Музыку? – Он изогнул удивленно бровь. – Ты имеешь в

виду вой волчьих кораллов?

– Для человека без ушей – вой. Для меня – мелодия. Красивее тех, что звучат в Оазисе.

– А ты бывала в Оазисе?

– Да, незаконно. Спряталась в телеге с икрой. Эта чертова икра была у меня везде. А ваши пианисты – бесталанные захребетники.

– Тебя не поймали? – откровенно изумился Нэй. Вход в Оазис предварял блокпост, и монокли из Облачного стекла он изготавливал для караула собственноручно. Проворонить безбилетника? Немыслимое разгильдяйство.

– Поймали к вечеру, – легкомысленно заявила Лита. – У отца отобрали лодку.

– Он не бросил тебя на съедение ракам?

– Грозил. Но он слишком мягкосердечен.

– Я заметил. – Нэй неодобрительно захмыкал. – Ты не чистишь рыбу? Не помогаешь своему бедному отцу?

– Чищу, – сказала Лита, – точнее, наши коты чистят ее за меня.

– Ты заколдовала животных?

– Надрессировала. – В зрачках девушки заплясали веселые чертики. – Не говори папе, пожалуйста.

Вийон отчетливо ахнул на плече Нэя. Кажется, и безмозглые големы были поражены. Плебейка корчит из себя ведьму, используя домашнюю животину вместо прислуги? Творец Рек, куда катится этот мир?

– Ты же понимаешь, – сказал Нэй, – что я – один из тринадцати колдунов Полиса? Что я могу доложить не твоему паршивому отцу, а лично милорду?

– Ой! – притворно испугалась Лита. – И что он сделает? Отнимет ночной горшок? У нас нет лодки, нет лошади, нет прав. Все, что у нас можно было отобрать, отобрал ты.

Никто никогда не разговаривал с учеником Уильяма Близнеца подобным тоном. Огорошенный Нэй сохранил напускное спокойствие. Он извлек из кармана кулон – и Лита охнула, подскочив. На цепочке раскачивался артефакт, от которого веяло непостижимой древностью: железная, лакированная Човекомышь, божество тех, кто населял землю до Потопа. Човекомышь имела круглые уши и круглые белые пуговицы на укороченных штанах, два пальца четырехпалой лапы были оттопырены: Човекомышь благословляла канувшую в вечность паству, как кардинал Галль – прихожан в церкви Распятого.

– Отдай! – заверещала Лита.

Нэй бросил ей кулон. Девушка схватила железную фигурку и прижала к губам. Недоверчиво спросила:

– Ты мне ее возвращаешь? Но почему?

– Не вижу никакой ценности.

– Не видишь? Тогда с какой стати ты отправился за мной?

Нэй задумчиво погладил Вийона по холке.

– Чтобы получить разрешение на выезд из Полиса. Я солгал министру, что ты нужна Гармонии. Что, живая или

мертвая, ты необходима мне для исследований.

– Черепаха без панциря! На кой черт колдуну благополучного Оазиса соваться в задницу Мокрого мира?

Лита оглянулась. Справа и слева вздымались берега из каменных кубов. Дома дождей росли как грибы: темные, безлюдные, наспигованные илом. Дожди уничтожили черепицу. Фасады растрескались. К дощатым причалам спускались источенные водой ступени. Зеленоватые цепи бряцали на ветру. Кто обитал там? Рыбы-зифы с клювами острее клинков? Падкие до человеческого мяса осьминоги- луски?

Потопленный город вонял смертью. Река оделась в чехлы каналов, которые разветвлялись и сужались с каждым гребком весел. Светильник тщетно противостоял мраку. Тьма смыкалась позади лодки. И мерещилось, что кто-то ходит по набережной высоко вверху.

Это здесь, – шепнул Вийон.

– Куда мы плывем? – тихо спросила Лита.

– Небольшой крюк, – промолвил Нэй. – Ты когда-нибудь бывала в библиотеке?

* * *

Туман сгушался, скрадывая улицы. Он пах мокрыми тряпками и оседал холодной росой на щеках путников. Вязкие щупальца трогали лодку, как руки слепых. Казалось, это призраки утопленников встают из воды.

Лита обеспокоенно озиралась по сторонам. Нэй вглядывался в оконные проемы серых, укутанных мглой зданий. Притих Вийон. Паук-туман сплел коконы, сети для прибулдившихся рыб. Стены взмывали над головами. В круглых отверстиях шлюзов роились водяные блохи.

– Ты точно хочешь читать? – спросила Лита.

Коллеги Нэя корпели в норах, среди глиняных и фарфоровых банок, клистиров, электуариев и линиментов, смешивали лаванду, майоран и помет летучих мышей, добавляли в колбы ртуть и гусиный жир. Не рисковали ничем, кроме репутации.

– Я не собираюсь читать, – ответил Нэй.

Здания расступились, высоко справа проплыл рыбий пузырь храмового купола с каменным стражем на вершине, безголовым и безруким. В тумане угадывались очертания труб, выступы террас, слоновьи ноги колоннады. В темном небе надсадно кричали чайки. Канал снова сузился.

– Что ты сказал? – спросила Лита.

– Я сказал, что не собираюсь читать.

– А зачем тогда, к черту речному, ты...

Что-то ткнулось в плоское подбрюшье гондолы, протянуло, и Лита, охнув, вцепилась в борт.

– Мост, – сказал Нэй с тайным удовлетворением.

– Откуда ты знаешь? Может, кракен!

Нэй покачал головой.

– Тесновато здесь кракену будет. Да и мозгов у них не хва-

тает для игр. Сразу – хватать и в клюв.

– Ах, я и забыла, с кем выбралась на прогулку. Убийца кракенов! Брежут ведь, а?

Нэй смотрел на девушку. О его битвах с кракенами рассказывали детишкам Полиса на ночь. Сколько было правды в историях, которые звучали в роскошных залах и грязных комнатенках, одному Творцу Рек известно. Но правда была. Вот только зачем ему отстаивать правду перед наглой простолудинкой?

– Пустил слушок, чтобы девок охмурять? – не унималась Лита. – И сколько ты убил кракенов?

Он не успел ответить – и не собирался. – Пухлые губки родили новый вопрос:

– А правда, что кракен переваривает лодку за три прилива?

Он промолчал.

– Ты их сабелькой колешь? Большая у тебя сабелька!

Она поняла по его глазам, что перебарщивает, – сложила губки бантиком.

– Нет, я серьезно. Как убить кракена?

– Остановить его сердца, – серьезно сказал Нэй и отдал мысленную команду гондольерам. – Все три.

Вздернутый нос лодки, которым раньше примерялись к высоте мостов, а теперь разве что к перемычкам между старыми зданиями, повело влево, в тайны и запахи еще более тесного канала. Весла скрипели в форколах. Гондола двига-

лась едва ощутимыми толчками. Лампа-кристалл расталкивала грязную дымку.

Вийон на плече колдуна поводил раздвоенным носом – вынюхивал магические метки.

– А сердце кракена черное? – спросила Лита. – Как и его какашки? А...

– Тише, – сказал Нэй.

В голове застрекотал голос ласки. Нэй оборвал нить заклятия – на гондолу обрушилось комариное облако – и сплел другую.

Увидел впереди по левому борту прямоугольный контур из фосфоресцирующих точек – помета водяных крыс, его лазутчиков. Крысы поместили широкое окно, разделенное пилластрой на проемы и закрытое потемневшими бронзовыми ставнями; окно обрамляла острая арка.

Он нашел библиотеку.

Но сначала ее нашли крысы, натасканные Нэем на запах колдовства. Крысам не нужен пропуск, чтобы оказаться за пределами Сухого Города, – им достаточно канализационных труб. Нэй обучил крыс единственному запаху – магии повторения.

Он искал больше пяти лет. С того самого дня, как Река унесла тело Уильяма Близнеца.

Что, собственно, он искал? Надежду. По-другому и не скажешь. Он искал надежду.

А что нашел? Возможно, лишь крысиный помет. Скорее

всего, лишь крысиный помет. И библиотеку, в которой проносилось заклятие повторения. Очень сложное заклятие, если дело касалось магической репрографии книг.

Выходит, в библиотеке побывал колдун Мокрого мира, не уступающий в силе колдунам Полиса.

Гондола пристала к просмоленным доскам недавно сложенных мостков. Нэй ступил на мостки и привязал лодку к торчащему из воды шесту, покрытому бурой коростой. Гондольеры опустили головы и застыли.

– Да сделай ты что-нибудь! – запищала изъеденная комарами Лита. – Маг ты или кто?

Слушая Вийона, Нэй создал кокон невидимости. Нить третьего заклятия оставил оборванной: слишком велик был соблазн продлить мучения плебейки. С легким поклоном он подал Лите руку, и она перебралась на мостки, почесываясь и похлопывая себя по шее.

Нэй взял лампу.

Библиотека потопленного города мало чем походила на библиотеки Оазиса. И дело было не только в сырости и плесени. Библиотека, в которую они попали через окно, напоминала двухъярусный кабинет, насквозь пропахший мокрой бумагой. На второй уровень вела лестница из книг. Потемневшие обрезы, напитанные влагой тома, придавленные мраморными ступенями. Книги было жалко. У Нэя заныло сердце. Проняло даже Литу.

– Это ведь эти... ну, книги с маленькими буквами из ста-

рых времен?

– Да, – сказал Нэй.

– Сколько ж они стоят?

– Пять лет в Пыточной башне, если попытаешься их продать.

– У меня ноги промокли!

Нэй двинулся к лестнице. Мутная вода омывала его высокие сапоги из акульей кожи. Под потолком, справа от лестницы, висела на ржавых цепях небольшая чернобокая гондола. Стеллажи – по большей части сломанные и прогнившие. Облупленные гипсовые маски на стенах. Глобусы с безумными картами: огромные куски суши – разве не безумие? Безумие. Или Старый мир.

Он поднялся на второй ярус и остановился у квадратной колонны, к которой была прибита табличка из тонкой стали. С таблички смотрело лицо красивой девушки, худое, скуластое, с губами-ягодами; девушка держала бутылку с какой-то жидкостью цвета грязи и красно-белой этикеткой с бессмысленным названием.

Нэй подошел к стеллажам. Поднес лампу к маленькому окошку в стене справа: во внутреннем дворике гнили ворохи бумаги. Вийон беспокойно перебегал с плеча на плечо. Юркий хвост щекотал лицо колдуна.

Нэй повернулся к стеллажам. Взялся за третью нить заклипания. Взмахнул.

Так и есть.

Призраки – те, кто желает ими оставаться, – не забирают книги, особенно книги, отравленные водой Реки. Они снимают магические копии. А магия, накапливаемая в голове колдуна, будто молнии в грозовом облаке, разряжается при контакте с материальным миром, проводником, – пятнает его, оставляя флюиды.

След был слабым. Чтобы распутать этот клубок, недостаточно простого заклинания. Нэй потянулся к карману сюртука, и в этот момент по переплету шмыгнул жирный паук.

Нэй дернулся.

– Именем Гармонии! – Незаметно подкравшаяся Лита противно захохотала. – Именем Порядка приказываю тебе отступить! Подними свои лапки и сдавайся!

Нэй не сводил глаз с паука. Гибкое тело ласки распрямилось. Зверек запищал, царапая прелый воздух.

Восемь паучьих глаз, расположенных в два изогнутых ряда, горели рубиновым огнем. Головогрудь покачивалась на тонком стебле. Нэй отступил, отгораживаясь лампой. Кристалл ярко вспыхнул, но не отогнал паука. Наоборот – насекомое подползло к краю полки, а со всех сторон к нему устремились восьмилапые близнецы.

Тот, кто побывал в библиотеке до Нэя, тот, кто произнес заклинание повторения, оставил после себя небольшой сюрприз. Пауки учуяли гостей даже сквозь кокон невидимости. Вожак развернулся, нацелив на Нэя черное отверстие, пульсирующее на брюшке под червовидным отростком. Стая по-

следовала его примеру.

Нэй отпустил нить заклинания невидимости. Нашупал за фалдой сюртука пузырек с жидким огнем.

Пауки бросились врассыпную. Вожак врезался в переплет, перевернулся на спину и задрыгал лапками. Нэй обернулся – девушка что-то нашептывала, глядя на полку. Затем обратила к Нэю смазливое личико и подмигнула.

– Знаю-знаю, ты мне очень признателен. – Она перевела взгляд на Вийона. – И я не откажусь почесать за этим милым ушком.

Ласка сползла по спине Нэя, острые коготки впились сквозь ткань в кожу. Лита залилась некрасивым смехом. Нэй схватил ее под локоть и потащил к лестнице.

– Эй! И это твое спасибо?

– Это мое «заткнись».

– А какие... ой, ступеньки... какие зверьки у других колдунов? Я слышала, что Гарри Придонный ходит с бобром на голове!

Гарри Придонный обитал в подвалах Северной башни: составлял календари и изготавливал корабельные лаки. Как и другие колдуны Полиса, он имел фамильяра – только не бобра, а енота. Нэй дружил с Гарри, но ни разу не видел, чтобы тот носил енота на голове, как шапку.

Он толкнул Литу в окно. Выбрался на мостки, закрыл ставни. Глянул так, что девушка сразу умолкла. Дернул за нить заклęcia и осмотрелся. Ничего. Только помет водяных

крыс.

Нэй приблизился к Лите, снова схватил ее за руку. Встряхнул.

– Кто тебя этому научил?

Большие глаза захлопали почти гипнотизирующе.

– Чему?

– Управлять животными.

– Отпусти!

– Кто?

– Я уже говорила, – выкрикнула в ответ девушка. – Слушать надо! Я научилась этому на рифе!

– Волчьи кораллы?

– Дошло наконец!

Он отпустил ее. «Волчьи кораллы говорят? Их вой что-то значит? Почему они выбрали эту девку?» Потом. С этим он разберется потом.

Нэй посмотрел на увитый туманом канал.

Нести магический дубль книги – все равно что нести дырявое ведро с краской, капли которой не тонут в воде. Вот только не каждый увидит след.

Нэй достал из кармана гусеницу, покрытую колючими волосками, и положил в рот.

– Фу! – вырвалось у Литы.

Нэй не стал спорить. Приятного мало. Зато теперь он четко видел след. Яркие маслянистые кляксы, покачивающиеся в темной воде канала. Он оживил гондольеров и ступил

в лодку.

– Руки не подашь? – спросила девушка.

Нэй невнятно промычал в ответ, устроился на скамье на носу гондолы – взгляд устремлен вперед – и погладил Вий-она по бурому меху.

* * *

Лодка цвета запекшейся крови петляла по тесным кривым улочкам. Над водой шевелилось белесое марево, заползало на кирпичные стены. Мимо плыли облупившиеся фасады, сгнившие ставни, крошащиеся карнизы и балконы. Фахверки из окаменелых водорослей. Заброшенные склады. Покосившаяся колокольня. Красная от ржавчины виселица. На волнах покачивалась сломанная гондола на двенадцать гребцов. Соленый ветер облизывал лицо Нэя языком покойника. По шляпе упрямо барабанили струи дождя. Лита куталась с головой в поданный колдуном плед. Молчала. Дождь оказался той самой прищепкой, которая просилась на острый язык девушки.

Потопленный город действовал на Нэя странным образом. Привыкший к крепостному устройству Полиса, он немного терялся в хаосе Мокрого мира. Здесь были огромные пространства воды, и вязь каналов, и головокружительные перепады крыш. Полис же был городом, построенным по подобию храма: в центре главное святилище – дворец Ма-

ринка.

Из тумана проступил огромный дом, шестиугольный в основании.

Големы опустили весла. Тупик. След обрывался на широких заиленных ступенях, к которым медленно дрейфовала лодка. Нэй приказал гондольерам отгрести.

Стоял и смотрел на двойные, обитые сталью двери, отполированные до зеркального блеска. Затем сплюнул дохлую гусеницу в ладонь и поднес к мордочке Вийона. Ласка заработала челюстями. Неотрывно глядя на двери, Нэй расстегнул клапан на кобуре. Скользнул взглядом вправо, в затемнение между колоннами, шепнул заклятие.

В нише стоял лучник. Натянутая тетива была готова выпустить стрелу.

Над каналом всходило солнце. Выкатывало прямо из-за крыши шестиугольного здания, на которой обновили черепицу. По скатам ползли яркие пятна.

Лита вскочила со скамьи.

– Да на что ты там пялишься?

Тетива глухо свистнула.

Нэй уклонился, и стрела прошелестела над правым плечом, там, где секунду назад сидел Вийон, выбила из лица гондольера кусок глины и плюхнулась в воду.

Нэй выхватил пистолет и выстрелил. Дернул стволом вверх и снова спустил курок. Эхо выстрелов вспугнуло аистов: двуглавые птицы сорвались с крыш. Ветер подхватил

облачко пороховых газов.

Стрелок между колоннами пошатнулся, упал лицом вперед и съехал по ступеням в воду. Второй – тот, что прятался на балконе, – выронил лук и исчез за парашютом.

Вийон ползал по дну лодки, искал стреляную гильзу. Вторую гильзу, печной трубой торчавшую из окна в ствольной коробке, зажало затвором. Загрязнился патронник или подвел порох. Нэй оттянул затвор и словил выпавшую гильзу. Сунул в карман, достал полный магазин...

Трещотка над дверью простучала три раза. Тяжелые двери распахнулись, словно их толкнул великан.

– Хватит! – властно сказал появившийся на крыльце человек. Ему совсем не шел этот повелительный тон: человек был приземист и толстоват, чего не могла скрыть даже просторная монашеская мантия.

Нэй нажал на кнопку выброса и, жонглируя двумя магазинами, частично опустевшим и полным, перезарядил пистолет.

Монах поднял руки в жесте примирения. В правой руке тускло горел жирник.

Нэй ждал, целясь монаху в затененное капюшоном лицо.

– Прошу извинить за это недоразумение! – прокричал монах. – У нас нечасто бывают гости!

– Догадываюсь почему! – крикнул Нэй.

Монах развел руками.

– Могу ли я пригласить вас в наш храм?!

– Храм?!

– Я так и сказал!

– Это не похоже на храм!

– Истинный храм может быть устроен где угодно! Вера прикладывается к любой точке! Все пребывает повсюду, ведь так сказано?! – Монах откашлялся. – Если желаете остаться на Реке, то очень скоро нам придется общаться жёстами!

Нэй опустил пистолет и пробудил гондольеров. Проснулась и Лита.

– Они в нас стреляли! И ты туда поплывешь?

– Мы поплывем.

– Отвези меня домой!

Нэй едва удержался, чтобы не наложить на девушку печать молчания.

– Может, вернуть клановцам?

Лодка ткнулась в осклизлые ступени.

– Я убил ваших людей, – сказал Нэй монаху.

– Они уже внутри, – ответил тот.

– Что это значит?

– Следуйте за мной.

Коридор был широким. Вход в храм – внутри, а не снаружи – защищали высокие фигуры... китобоев с гарпунами. Статуи готовились бросить гарпуны: клонились вперед, глядя в растрескавшуюся плитку, точно в речные глубины.

– Что это за храм? – Нэй снял шляпу и стряхнул с нее капли дождя. Он шел за монахом, рядом семенила Лита.

– Церковь Чрева Кита, – был ответ.

Колдун кивнул. Догадка оказалась верна.

Однажды он побывал в храме Чрева Кита. Его, молодого и зеленого, привел туда Уильям Блинец. Учитель знакомил ученика с миром за пределами Кольца. Адепты церкви Чрева Кита верили в воскрешение после смерти. Тот храм был маленьким и пустым. Если не считать сваленной у алтаря груды гниющих тел. Видимо, возвращение затягивалось.

Это ли он искал?

В том числе.

Не все колдуны Полиса алкали богатства. Некоторые, как Улаф Ус со своими старцами, жаждали покоя. Некоторые искали бессмертие. Юн Гай долгие годы корпел над чудотворными пилюлями. Смешивал чистую киноварь с белым медом, сушил на солнце, держал над огнем. Испытывал пилюли на себе. Он уверял милорда, что близок к цели, но с годами его волосы отнюдь не темнели, жабя кожа не становилась глаже, а гнилые зубы не сменялись здоровыми.

От влажных стен, с которых была содрана обшивка, так что оголились несущие балки, разило тухлой рыбой. Пол устилали катышки крысиного помета. Лита прижалась к плечу Нэя. Он оттолкнул ее: будет мешать, если придется хватить шпагу.

Лита уже пригодилась ему, чтобы выбраться из Полиса, –

и может сгодиться снова. Как тот чудной ножик с несколькими лезвиями, что он видел на барахолке Оазиса, – чудной, но бесполезный, разве что ковырять в зубах у малютки кракена.

Они несколько раз свернули. Задержались в комнате без окон – монах возился с ключами. В сумрачном, освещенном свечами углу долговязый старик в рясе священника держал младенца. Склонился над купелью и громко шептал на речном языке:

– ...зачатые светом и тьмой... явиться из чрева божественной рыбы... обрел начало от гнева его, от соленого сердца...

Ряса была грязной и рваной. На рукавах блестели округлые пластинки – чешуя? Старик – у Нэя язык не поворачивался назвать его священником – коснулся рукой воды, начертал над ней знак, похожий на плавник, и побрызгал на младенца. Младенец висел головой вниз и не шевелился. Старик дотянулся до свечи, горевшей на широком краю купели, и опрокинул ее в воду. Следом бросил младенца.

Лита сильно сжала локоть Нэя. Монах нашел нужный ключ, и они покинули баптистерий.

«Ни одно живое существо, – утверждали манускрипты, – не может переступить границу, не прервав своего существования».

Да, он слышал о магии Воскрешения. Вот только верили в нее?

– Дело не в магии, – сказал монах. Нэй впился взглядом

в капюшон: монах прочитал его мысли? – Да, кое-кто из нас владеет ею, как владеешь ты. Но путь в Чрево – это не магия, а Преображение. Воля Творца. Творец желает каждому нового рождения. Его спасательный призыв звучит постоянно, но слышишь его не сразу. Для жизни нужно время – и для смерти тоже.

– Ты про искупление?

– Я про забвение. Чтобы всплыть, надо погрузиться. Но этого мало. Без Чрева душа возродится пустой.

– Чрева Кита, полагаю?

– Чрева того, кто знает Реку. Кто был внизу и сверху.

Нэй остановился.

– Кто ты?

– Ты знаешь.

Монах тоже остановился, повернулся и скинул капюшон.

На долю секунду Нэй увидел сразу две картинки, связанные с реальностью лишь этим капюшоном.

Увидел лицо своего учителя – Уильяма Близнеца.

Увидел черную пустоту.

Капюшон опал на плечи монаха.

Круглое отечное лицо. Приплюснутый нос. Мясистые губы. Нэй не знал этого человека. Или... Что-то знакомое мелькнуло в маленьких крабьих глазках – старое, алчное, уставшее – в придонной глубине.

– Кто ты? – повторил Нэй, положив руку на эфес шпаги.

Монах улыбнулся.

Мантия на его животе оттопырилась. Будто из кишок служителя выбралась крошечная беспалая рука. Дернулась в одну сторону, в другую – махала Нэю. Рванула вверх. Лита взвизгнула.

Из-за ворота выглянула заостренная мордочка. Крыса шевельнула усами.

– Наст? – выдохнул Нэй. – Элфи Наст?

Элфи Наст, четырнадцатый колдун Полиса. Сожженный за измену предатель.

Монах погладил крысу по голове.

– Не скрою, немного обидно быть узванным таким образом, но при сложившихся обстоятельствах...

Он развернулся и засеменил короткими ножками. Нэй и Лита пошли следом. Поднялись по винтовой лестнице. Монах отпер дверь.

Маленькие окошки в широких стенах. Глухие арки. Свод в виде плавника. Тонкое кружево декора. Двойной ряд колонн делил помещение на три части.

– Здесь очень красиво, – сказал монах. – Если бы вы видели...

– Что, по-твоему, мы делаем?

– Стоите на крыльце, снаружи. Всякий, не способный понять замысел Творца, не допускается внутрь. Не может переступить границу.

Нэй промолчал. Они миновали треугольный алтарь, на котором лежали два трупа. Мертвые лучники.

– Отречение от тела есть отречение от смерти. Только так можно проникнуть в Чрево, захлебнуться временем. Только так можно вернуться.

Нэй усмехнулся.

– Что для этого надо сделать? Убить себя?

– За гранью много ответов, – уклончиво сказал монах.

– Тогда ты знаешь, зачем я здесь?

Монах кивнул.

– Я говорил с Уильямом. Он хочет вернуться.

– Ты нашел его тело?

– Увы. Его съели рыбы.

– Тогда как?

– Есть другой способ. В одной из книг, что мы нашли...

– Скопировали, – поправил Нэй.

– Скопировали, – согласился монах. – Идем. Я покажу.

Последняя дверь вела на улицу.

Нэй задохнулся от смрада. В канале, перекрытом плотинами и осушенном, гнили рыбы внутренности... тысячи фунтов рыбьих... нет, не...

Нэй не сильно лукавил, когда говорил, что кракену будет тесновато на затопленных улочках Мокрого мира. Мертвый моллюск, на которого он смотрел, с трудом помещался в широком желобе, черном от тины и дерьма.

– Это купель, – сказал монах, словно его кто-то спрашивал. Словно это могло быть чем-то еще, кроме зловонной выгребной ямы. – В ней можно примерить новое тело.

Монах похлопал себя по сальным бокам.

Нэй смотрел на кракена. Серые щупальца вытянулись вдоль канала, переплелись; повсюду виднелись крючки и присоски с хитиновыми кольцами. Выкаченные глаза размером с колесо водяной мельницы были подернуты белой пленкой. Бесформенное желеобразное туловище светилось отравленным светом, и где-то под этой массой скрывался острый птичий клюв.

– Новое тело... – сказал Нэй. – Как сделал ты?

Значило ли это, что он поверил, будто перед ним Элфи Наст?

– Да, – ответил монах. – Но мой путь был более трудным. Я родился в кракене. Там было много тел. Люди с большого парохода... из далекого мира. Это я привел сюда кракена, я съел его сердца, я возродил церковь.

Вонь была столь ужасной, что Нэй закупорил ноздри третьим заклинанием. Бегло обернулся: Лита прятала нос в ладони, стоя на краю террасы.

– Уильям...

– Он готов, – сказал монах. – Он ждет.

– Но для этого нужен чей-то труп.

Монах развел короткими ручками.

– Свободных тел нет. Братья не покидают Чрево.

– Тогда... – Нэй запнулся.

Монах смотрел на него и улыбался уголками рта. Показалось или глаза монаха на секунду скользнули вправо, за спи-

ну Нэя?

По хребту колдуна ползла огромная ледяная капля.
Верил он или нет, самое время было проверить.
Нэй стоял неподвижно, смотрел сквозь монаха.
«Кумир мальчишек, – подумал он. – Защитник Полиса».
Чувствовал, как дрожит Вийон.
«Прости, учитель. Другого тела нет. На безрыбье...»
Нэй развернулся и выстрелил в Литу.

* * *

Казалось, туман все еще облакал в зримую форму место, где секунду назад стояла Лита, ластился невесомыми жгутами к пустоте, образованной выстрелом. Свинец выбил девушку за край платформы. Так праздные повесы Полиса сбивали шаром деревянных рыб, играя в биллбол.

Монах одарил Нэя аплодисментами. Его пухлые ладони, соприкасаясь, давили мух. Насекомые вылезали из рукавов сутаны, роились у хищного лица.

Отточенным движением Нэй сунул дымящийся пистолет в кобуру.

Насекомые жалили и пищали, словно стена по невинно-убиенной.

Из канувшего в небытие прошлого сформировалась другая, заваленная трупами церковь и сухопарая фигура Уильяма Близнеца.

Учитель говорил:

– Возвратившиеся оттуда приходят не сами. Есть порог, и тьма за порогом, она выжидает. Когда кто-то выбирается из Чрева через приоткрытый Лаз, следом устремляются гости, опасные, голодные...

Молодой Нэй представлял хулиганистых детишек Полиса, что любят цепляться за прогулочные лодки, катаясь на закорках по внутренним каналам Сухого Города. Так к лодке-душе цепляется незваный попутчик...

Сегодняшний Нэй видел, как почернели глазки монаха: там за клубился мрак, созревший в утробе моллюска. Нижняя губа сползла, оголяя стесанные зубы, задержались алчно ноздри. Элфи Наст был дурным человеком, плетущим интриги, чтобы свергнуть милорда и заполучить власть. Но в тучной, перебирающей пухлыми пальцами оболочке содержалось нечто гораздо худшее, чем Элфи.

– Я недооценивал тебя, – признался монах, – я считал, в своих скитаниях по Мокрому миру ты растерял величие Избранности и почти уподобился плебеем.

– Что ж, – произнес Нэй, сосредоточенно плетущий три нити, – даже у плебеев есть чему поучиться.

– С ней – всё?

– Обижаешь, – осклабился Нэй.

– О, я не подвергаю сомнению твою меткость, – медово улыбнулся монах. Но дернул бровью, и крыса скатилась на пол, посеменила к краю платформы. Лысый хвост извивался

червем.

Нэй наклонился, всматриваясь во мглу. Туда же зыркал фамильяр Наستا.

Лита лежала на покрывале тумана, в болотных испарениях и слизи – веки опущены, губы сомкнуты. Красивое лицо белело в гнезде рассыпавшихся локонов. Медальон с Человекомышью прилип к скуле. Древний бог не защитил девку от пули. В груди зияла рана с обожженным контуром. Прямо в сердце.

Нэй не чувствовал ни раскаяния, ни жалости. Он думал о коченеющей плоти и свернувшейся крови, об увядших цветах. Аурой смерти он лакировал Литу. Крыса Наستا, словно сомневаясь, принюхивалась. Под сюртуком Вийон вытянулся струной, и хотелось отпустить одну из нитей и прислушаться к духу... но Нэй не мог.

В ушах стучала кровь.

– Помести ее в кракена, – велел Элфи. После казни четырнадцатого колдуна именовали не иначе как Презренный. И теперь он командовал Георгом Нэем.

Чтобы заглушить смрад от разбухшей туши, Нэй использовал spraysнутый духами носовой платок. Ловко приземлился на замшелые камни. Ощущая затылком взор духа-крысы, опустил на колени возле Литы. Так, прикрывая собой тело, он был волен оставить заклятие-мираж, и страшная рана исчезла с едва заметно вздымающейся груди девицы. Не осталось ни капли крови. Кровь была на виске рыбац-

кой дочери, там, где пуля чиркнула, опалив кожу.

«Замри», – приказал Нэй.

Он сфокусировался на создании ауры смерти, заглушил стук девичьего сердца и обратился к Вийону.

«Что конкретно говорил учитель о ритуале с использованием живого человека?»

В ушах зашелестели обрывки давней беседы: собственный голос Нэя и голос Уильяма Близнеца.

– Можно ли тому, кто не умирал, использовать таинство Чрева?

– Если он не боится разгневать тьму.

Зрачки колдуна метались вправо и влево маятниками.

Он подхватил Литу и шагнул к разбухшей, смердящей туше. Сапог наступил на щупальце, оно лопнуло, брызнув бурой струей гноя. От вони кружилась голова. Ноша стала вдруг до странного тяжелой, будто противилась запланированному.

Вийон посылал в мозг слова Уильяма Близнеца:

– Правда или нет, но ходят легенды о звездочете, который провел ритуал, дабы выведать секреты Вселенной. Он живо погрузился в Чрево. Его тело превратилось в мост между мирами, и души древних астрономов поселились в нем на короткое время. Они поведали о кораблях, летавших к далеким планетам, и о том, что корабли принесли на Землю зло, погубившее Прежний мир.

– Звездочет выжил?

– Говорят, он сумел выбраться из Чрева и прервать связь с загробной стороной. Но тьма снова и снова являлась ему, он видел берега, которые ни один смертный не должен видеть, и в итоге сошел с ума.

«Прости меня», – подумал Нэй, всматриваясь в бледное лицо рыбацкой дочки.

Лита распахнула глаза. Заверещала и впилась зубами в кисть колдуна. От боли Нэй ахнул.

– Она жива! – закричал сверху монах. – Ты не убил ее!

– Рыбья требуха! – голосила Лита. – Да как ты посмел!

Она брыкалась и царапалась, но Нэй крепче стиснул ладное тело и занес над пузырящейся массой.

– Кошунство! – завопил монах. – Издевательство над Преображением! Туда нельзя живым!

Глаза девки вылезли из орбит. Нэй пожал плечами и швырнул ношу на гору колыхающегося киселя. Крик оборвался. Лита провалилась с головой в дохлого кракена, как в топь.

– Великий кит Джхаша! – не унимался монах. – Проклятый мерзавец! Сюда, сюда!

Нэй метнулся обратно на платформу. Туша моллюска бурлила в желобе. Щупальца хлопали по бревнам.

Нэй не верил глазам, но есть процессы, течение которых не зависит от веры и ограниченных представлений. Даже после стольких слов Уильяма Близнеца... Да, у доктрины перевоплощения хватало последователей, вот только одно дело

слышать о живых мертвецах Калькутты или оборотнях Вагланда, а другое – лицезреть Лаз в клубящейся стене неугомонного круговорота жизни и смерти. Стоять перед ним.

После гибели тела человеческая душа пытается всплыть, чтобы родиться в новом теле или вселиться в уже существующее – и так до тех пор, пока не успокоится, достигнув Вечной Глубины, или не найдет путь в иные миры. Но душа не способна вернуться самостоятельно. Возрождение совершает мысль, извечное желание Творца Рек, к которому восходят заклинания – даже самые черные и скверные.

Река жизни и смерти состоит из слоев, связанных подводными течениями. Смерть – это отделение главного слоя, придонной глубины, от верхних слоев. Перерождение – это резкий подъем, агония бегства, прежде чем душа сольется с Рекой. Все пребывает повсюду, верно. Но, чтобы выйти, нужна дверь, проход. Что-то реальное и мифическое в человеческом сознании. Чтобы вынырнуть, нужен Лаз. Чрево. Кракен связывает слои, он обитает на самом дне и поднимается на поверхность. Он везде. Он водоворот, через который можно вернуться.

Монах вцепился толстыми пальцами в редкие поросли тонзуры вокруг и причитал. Его буркала залили чернила каракатиц, что рыскают в околоплодных водах в брюхе кита-смерти.

А по залу уже перли прихвостни храма.

Стражи-монахи, вооруженные костяными мечами.

Не мешкая, Нэй ринулся навстречу. Блеснула сталь. Спутник Элфи Наста замельтешил у ног, норовя разодрать акульную кожу и вгрызться клыками в мясо. Повинуясь команде, Вийон покинул уютное гнездышко под сюртуком хозяина, прыгнул точно на спину крысе. Впился острыми зубками в холку врага. Нэй охотно поглядел бы, как сражаются духи, но момент был неподходящий.

Стражи толкались в дверном проеме. Мертвецы, опутанные тиной, хлопающие и рычащие. Долговязый священник размахивал причудливым кадилом – подвешенной на цепи окаменевшей доисторической рыбой. Удивленно округлившийся рыбий рот изрыгал витки дыма. В толчее дымящийся груз лупил своих же; плавники пластали гнилую плоть.

– Во имя Джхаша! – выл Элфи Наст. – Во имя Преображения!

Шпага полосовала рясы. Под ними оголялись хрящи и сухожилия. Нэй отражал атаки секущими ударами. Рубил головы и теснил братьев назад в подсвеченный факелами зал.

Но всё новые мертвецы выползали из щелей.

Импровизированный цепной моргенштерн угодил в плечо. Плавники расплосовали кожу. Элфи заревел ликующе, дыхнул могильной вонью. Нэй блокировал боль. Продолжая контролировать Вийона, он закинул третью нить как удочку.

Уильям Близнец учил, что очаги силы можно обнаружить всюду, надо только уметь искать.

Найденный очаг поразил Нэя, настолько близок он ока-

зался и такой мощью обладал. Ручьи чистой энергии, дистиллированной злобы журчали в стенах. Взору на миг явились крошечные черепа, скорчившиеся скелеты. Храм был детинцем: при его строительстве в кладку замуровали больше сотни младенцев. У них, у детских костей, Нэй попросил помощи – и получил ее.

Каждый новый удар сокращал численность братьев. Их строй разваливался. Кадило грохнуло о стену и, срикошетив, погрузилось в морду священника. Вспыхнуло, худющую фигуру обьяло пламя.

Уцелевшие братья бежали вглубь здания. Проход был чист... Но почему так испуганно зашептали призраки в кладке?

Нэй сжал эфес шпаги, сдул с глаз выбившуюся прядь волос.

Он всматривался в темноту и слышал грохот.

Что-то двигалось к нему, большое, могучее, порожденное колдовством воскресшего Элфи Насти. Чертова четырнадцатого колдуна.

Нэй вспомнил суд и казнь. Привязанного к столбу Элфи, хворост, занимающееся пламя.

– Георг! – взывал предатель. – За что меня сжигают, Георг? Почему ты молчишь?

Элфи поперхнулся кашлем. Это Нэй, смешавшийся с толпой вельмож, заклятием прервал последние слова умирающего. Они уже обо всем поговорили, Нэй и Элфи. Долгими

вечерами, за бутылкой вина, обсуждая будущее Полиса и – шепотом – будущее герцога Маринка. Те беседы привели бы на костер обоих, но огонь пожрал лишь четырнадцатого.

Нэй сощурился. Шепот мертвых детей заглушили тяжелые шаги.

Каменные китобои маршировали по коридору. Плитка крошилась под их пятнами. Отлетали скамьи. Суровые лица поросли ракушками, гарпуны синхронно кололи воздух.

Пришла пора Нэю пятиться. Ни шпага, ни свинец не справятся с этими десятифутовыми исполинами. Магия овеществления – конек Элфи. Сотворенные им мыслеформы, тюльпы, существовали несколько часов. Создавая копию герцогини, он проникал в покои милорда Маринка, чтобы шпионить... Из прошлого аукнулся несвоевременный вопрос: «Разве не знал ты, Георг, о моих деяниях, разве не смеялся, услышав, что герцог возлежал с тюльпой и не отличил ее от супруги?»

Да, китобои были лишь мыслями колдуна, но эти мысли не уступали камню по прочности, а их гарпуны могли пригвоздить зазевавшуюся жертву к полу.

Нэй бросился в узкий боковой коридор. Статуи, став на секунды мягкими, словно из воска, протекли за ним.

Тюльпы самого Нэя, плохонькие, кособокие, жили пару минут. Он не тренировался годами. Но в лабиринтах храма Нэй вспомнил важный урок наставника. Сосредоточился и прервал связь с детьми. Вскрапнул, исчезая из поля воспри-

ятия, Вийон. Сняв третье заклинание, Нэй застонал от боли. Левая рука безвольно повисла. Кровь пропитала рукав.

Не думать о боли. О тупике впереди. Сплести три нити воедино. Высота, глубина и ширина. Высота, глубина...

Жуткий треск наполнил тоннель. Заставил китобоев замереть. Они недоуменно мотали каменными головами. Загнанный в ловушку Нэй присел на корточки, заслонившись здоровой рукой. Стена разлетелась, брызнув кирпичом. Уродливая морда сунулась в пролом. Божество из эпох, канувших в Реку времени, переступило через кирпичи. Черный нос на бежевом рыле, круглая башка, увенчанная плоскими блинами ушей. Желтые ботинки громко топали, пришитые к красным штанам пуговицы были больше, чем головы китобоев. Гиганту приходилось горбиться, гнуться до пола.

Тюльпа Нэя, Человекомышь волочила в четырехпалой лапе вопящего монаха. Его рясу покрывали пыль и известь, рот кривился, в выпученных глазах, как жижа в сосуде, плескалась чернота. Возможно, то была душа бедного Элфи Наства.

Человекомышь аккуратно обошла своего создателя и подняла монаха, легко, точно соломенную куклу.

– Именем Порядка, – просипел Нэй. – Именем Гармонии, за предательство Сухого Города, за козни, шпионаж и бунт против милорда, – он сморщился от боли, – приговариваю тебя к смерти, Элфи Наст... снова.

Человекомышь метнула монаха в китобоев. Подставленные гарпуны пронзили коренастое тело. Один шип проклю-

нулся из груди, другой – из живота. В последних судорогах существования китобои дернулись в разные стороны и разорвали монаха на две части. Из верхней половины хлынула груда осклизлых внутренностей, рыбьих кишок и чего-то похожего на черных извивающихся угрей. Нэй задумался: не родится ли Элфи Наст вновь, не придется ли ему заново коротать годы в утробе кракена?

Китобои растворились, будто были сделаны из тумана. Разодранный монах угас в собственных кишках и испражнениях. Исчезла и Человекомышь. Нэй запретил крови течь, нитью заклинания перебинтовал плечо. Окликнул Вийона.

Он немного опасался, что Лита задохнется в разлагающейся туше. Впрочем... Гармонии виднее, кому жить, а кому – нет.

Быстрым шагом Нэй приблизился к убитому монаху. Лизнул указательный палец и коснулся холодного монашеского лба. Лицо мертвеца рассекала горизонтальная линия. Нэй надавил. Кожа и кости разошлись, лицо распахнулось как книга... оно и было книгой с алыми буквами на красных страницах.

Нэй принялся читать.

* * *

Полусгнившие ловчие щупальца извивались в смрадном воздухе, били по стенкам желоба. Тьма, будто из опорожнив-

шегоса чернильного мешка, склеивала ткани и мускулы, не давала распасться. Присоски жались к просоленным бревнам и зеленым камням – раздувались и опадали.

Туша вздыбилась, приподнялась на плавниках и угодливых щупальцах. Кипящая мантия затрепетала, и в ее чреве, в гнойном пульсирующем мешке, Нэй различил фигуру девушки.

Лита – или уже нет? – поднялась на ноги и замерла. Тень. Замочная скважина.

Нэй ждал.

Вийон – охотник на крыс – сидел на правом плече колдуна. Исцарапанный, но непобежденный. Кровь блестела на шерсти алыми бусинками, стекала по наружной стороне передних лап.

«Что с крысой Наста?» – мысленно спросил Нэй.

Удрала, – ответил дух.

«Покажи ее бегство».

Вийон показал.

«Она умрет, – сказал Нэй. – Ты вывернул ее наизнанку».

Ласка довольно пискнула.

Колдун ждал, вперив взгляд в мертвого кракена, внутри которого стояла живая девушка.

Сбежавший дух-крыса немного беспокоил Нэя, как беспокоит легкая зубная боль, но он действительно считал, что фамильяру Наста недолго осталось мести хвостом пыль.

Колдуны использовали фамильяров не только как помощ-

ников и шпионов, но и как сосуды, которые наполняли чарами. Последний резерв. Аптечка с единственным шприцем, способным запустить гаснущее сердце. Колдуны держали шприц для себя.

Но у Элфи Наста уже не было шанса воспользоваться этими чарами. Нельзя исцелить то, что давно мертво, растоптано и размазано. Нэй воскресил в памяти раскрывшееся лицо монаха и еще раз пробежал глазами по красным страницам. «Вот и все, что останется от тебя, Презренный. Все, что я запомню. Книгу, которой ты стал».

Нэй произнес заклинание, прочитанное в алой книге.

Туша перевернулась, подернулась рябью. Щупальца потянулись наискось к террасе, но Нэй не отступил. Щупальца образовали тоннель, их основания очерчивали круг, в центре которого шелкал черный загнутый клюв. Преисподняя была голодной птицей.

От костяного гулко-го кляцанья и от жуткого эха, которое оно порождало, ломило череп. За глазами яблоками стучали молоточки. Нэй старался не моргать.

Он произнес второе заклинание и потянул заранее сплетенную нить.

Клюв распахнулся. Одновременно валун у дальней стенки канала стал зеркальным, и в нем отразились выпученные белесые глаза кракена.

Клюв распахнулся еще шире. В этом не было нужды: в открывшуюся дыру прошла бы и торговая шлюпка. Но что-то

еще тянулось, дышало, смотрело из мрака – Нэй чувствовал холодный зловонный ветер – что-то огромное и неповоротливое.

Отражающиеся в валуне глаза наполнились чернилами.

Лита вышла наружу по темно-зеленому языку, покрытому, точно терка, острыми зубцами. Кракен раскачивался из стороны в сторону – еще секунда, и вытолкнет через сифон струю гноя, и взмоет в воздух, как корабль, нацеленный на далекие планеты, летящий за смертью и будущим.

Девушка остановилась и раскинула руки, уперев ладони в стены тоннеля из щупалец. Идти дальше мешала пуповина, жгут черного тумана, пиявкой присосавшийся к затылку. Безвольное лицо, опущенные подрагивающие веки.

В голове Нэя бешено гудела кровь. Прилив-отлив. За спиной Литы, в утробе мертвого кракена, густел смертоносный мрак.

– Ты меня слышишь? – громко сказал Нэй, стоящий на краю площадки. – Учитель?

По бледному, покрытому слизью лицу прошла судорога. Медленно поднялись веки – так поднимаются ворота с ржавым механизмом.

Нэй ждал.

Девушка поднесла руки к лицу. Покрутила ладонями, опустила. Черные глаза остановились на Нэе.

– Ты, верно, шутишь, Георг, – сказал Уильям Близнец. – Что это... почему здесь кто-то еще?.. – Тонкое личико иска-

зила гримаса злобы. – Почему она здесь, Георг?!

Учитель снова поднял руки и ощупал пуповину, привязавшую его к смердящей туше, к бездне в ее чреве.

– Отпусти меня! – взревел Близнец. – Закончи ритуал!

– Сначала кое-что придется закончить тебе, – сказал Нэй. В его памяти возник мимолетный образ: девушка с голубыми глазами, девушка, идущая по пляжу босиком. Ангел, павший жертвой Близнеца.

– Произнеси последнее заклинание! Георг!

Нэй не знал, как долго сможет держать взгляд учителя – хотелось расцарапать собственное онемевшее лицо, выковырять из-под кожи червей и личинок.

– Тот остров, – хладнокровно сказал он, – который ты нашел за год до своей смерти. Мне нужна карта.

– О чем ты говоришь?!

Близнец резко дернул головой – и бессильно зарычал.

– Ты знаешь о чем. Остров, на котором ты видел железные повозки, работающие от прирученных молний.

– Выпусти меня!

– Покажи мне карту. Или я прочитаю ее в твоей мертвой голове.

– Тогда она умрет! Я слышу, как она кричит! Как прокликает тебя!

– Плевать, – соврал Нэй, направляя пистолет в перекошенное лицо. – Времени почти не осталось.

В распахнутый клюв просунулись огромные жвалы, слеп-

ленные из смолянистого мрака. Они хищно раздвинулись, и желеобразная плоть в уголках клюва лопнула, расплзаясь.

Близнец закричал:

– Хорошо! Смотри!

«Дни моей жизни закончены, – сказал учитель пять лет назад, перед тем как броситься с рифа. – Я завершу свой труд в другом мире, плывя вверх по течению». Смерть, видимо, изменила его намерения.

Нэй скопировал карту и произнес последнее заклинание.

– Не-ет! – заверещал Близнец, но голос тут же оборвался.

На красных страницах была вилка из двух последних заклятий. Завершения и...

Нэй оборвал ритуал, перевел пистолет на зеркальный валун и дважды нажал на спуск.

Не стоит полагаться на одну лишь магию, даже на столь древнюю, черную, как земля под пустыми могилами первых богов...

Пули срикошетили от камня – и глаза моллюска лопнули, будто огромные гнойники.

Неведомая сила опрокинула Литу на спину, но Нэй уже был рядом, крепко сжимал тонкие лодыжки. Тьма заверещала, из тела девушки выплеснулась серая бесформенная тень – и ее увлекло в темноту вместе со жвалами и шипастыми антеннами потусторонней твари. Клюв захлопнулся. Щупальца опали.

Нэй поднял Литу и осторожно положил на край террасы.

Подтянулся на руках, выбираясь из канала.

Девушка выгнулась дугой и закашлялась, словно отплеваемая невидимую воду. Он помог ей сесть.

– Ах ты выродок! Мразь! Мартюга уродливая! – Лита отшвырнула руку колдуна и заколотила по его груди слабыми кулачками. – Да чтоб тебе крабы ноги объели!..

Она снова зашлась мокрым кашлем, сотрясаясь всем телом.

Он вложил в ее пляшущую ладонь медальон с Человекомышью и отошел.

– Нам надо уходить.

– Иди в Реку!

Нэй поднялся с колен, свистнул Вийону и двинулся по мрачному, заваленному телами коридору храма. Под ногами сновали крысы – обычные, голодные. Раненая рука Нэя висела раздавленным щупальцем.

Лита догнала его в зале с треугольным алтарем. Пошла рядом.

– Что это было? – спросила тихо. – Что смердело у меня в голове?

– Мой учитель.

– Откуда он взялся? Прятался в этой гнили?

– Он прошел сквозь кракена, – сказал Нэй, чувствуя усталость и пустоту. Но что чувствовала девушка? – Кракен соединяет миры.

– Мертвый?

– Не обязательно. Но с мертвым проще. И он помнит все: глубину и небо. Все уже было. И осталось в нем...

Он замолчал под испепеляющим взглядом Литы.

– Пиццу хочу, – сказала она на крыльце.

Нэй открыл рот, но не нашелся с ответом – полез в гондолу.

– Пиццу с грибами или... – Лита резко скривилась. – Фу! Больше никогда не притронусь к пицце с моллюсками!

Мыслей было много, они торчали в разные стороны, острые и тонкие, как рыбы кости. Чтобы не думать, Нэй выдвинул из-под скамьи длинный плоский деревянный ящик, покрытый черным лаком. На медных уголках и зажимах белел налет соли. Колдун провел рукой по пластине замка и открыл ящик. Достал бутылку из мягкого стекла, которое по-прежнему находили в Мокром мире, высыпал в плошку глиняный порошок и развел водой. Протянул плошку Лите, кивнул на гондольеров. Девушка поняла без слов. Она еще злилась на него, но не отказала себе в удовольствии навести красоту – пускай чужую, грубую и глиняную. Лита занялась лицом голема:

– Кто у нас за собой не следит? Кто стрелами прыщи давит?

Нэй извлек из ящика гри-гри, мешочек с лекарствами, и стал втирать в раны Вийона желтую вонючую мазь. Зверек терпел, зажмурив глазки.

Закончив, колдун позволил духу заняться его плечом.

Гондола отплыла от шестиугольного здания. Нэй сидел на носу лодки, прямой и неподвижный, смотрел вперед.

– Там есть сушеная рыба и вода, – сказал он. – Под скамьей.

Нэй ни разу не обернулся на храм Чрева Кита.

В животе урчало. Нэй тоже не отказался бы от пиццы.

2. Хороший улов

Лита мысленно выругалась, да так заковыристо, что удивилась сама. Вновь повторила про себя спонтанно сочиненную конструкцию и решила обязательно запомнить.

«Ну да, – хмыкнул внутренний голос скептически, – будешь чихвостить палача на собственной казни».

А до казни было действительно недалеко.

Возвращая в реальность, заскрипели оглобли, Литу потрянуло. Колеса зачавкали размокшей глиной, жирная морось окропила и без того изгвазданные щеки. Чтобы волосы не волочились по земле, Лита заправила их за воротник. Грязь пощадила косу, но обильно испачкала прочее.

Судя по звукам, подвода въехала в глубокую арку крепостных ворот. Застыла, повинуясь приказу стража. Со всех сторон раздавались оклики, шумела очередь идущих к пропускному пункту торговцев. Каждый, кто намеревался попасть в Оазис, должен был иметь пропуск. Иначе...

Лита отогнала мысли про «иначе».

Она устроилась под днищем телеги. Руки и ноги засунула в специально притороченные ременные петли. Прижалась к деревянным планкам так плотно, что губы расплющились о доски. От напряжения ныл позвоночник. А в десяти футах вооруженные пистолетами и алебардами стражи выискивали нелегальных пассажиров. И помимо колющих и стреляющих

штуkenций были у офицеров вещички магические. Например, чертов монокль из Облачного стекла, изобретенный не менее чертовым колдуном Нэем.

– Что везем? – гаркнул офицер.

Скосив глаза, Лита видела заляпанные грязью ботфорты.

– Живую рыбу, – отвечал Билли Коффин, рыжий детина, управляющий лошадкой. Билли не знал ни о тайной попутчице, ни о ремнях, которые Лита крепила ночью, забравшись на соседский двор. Его дело было маленьким: доставить к дворянским ледникам груз и вернуться обратно в провонявшую жерехом нору. Спросит матушка Билли Коффина: «Как там Полис, стоит?» «А чего б ему падать?» – лаконично скажет Билли.

Впрочем, Лита сомневалась, что рыжий добряк сдал бы ее страже. Со школьной скамьи (а жители Кольца учились в школах ровно два года) Билли капал слюной, провожая соседку голодными глазками влюбленного идиота. И рыбак Альпин, папаша Литы, намекал, что Билли – хороший вариант (две ноги, две руки в придачу). Но Лита не торопилась лишать себя свободы и мочек. Пока соседки с откромсанными, по брачной традиции рыбаков, мизинцами да ушами прислуживали мужьям-пьяницам, Лита наслаждалась жизнью, совершенствовалась в магической дрессировке животных и ходила на риф слушать пение волчьих кораллов. С рифа и начались неприятности. Сперва ее похитили члены Змеиногo Клана, потом, по милости колдуна Нэя, она очути-

лась во чреве кракена и была порабощена духом еще более древнего колдуна...

Ох... Лита встрепенулась. Что-то мягкое коснулось лопаток. Потерлось о ее спину. Девушка вывернула шею, опасливо поглядела вниз. Черный котенок, пролезший под телегу, заурчал и ткнулся лбом ей в плечо.

«Тише, малыш», – распорядилась Лита. Котенок послушно сел на дорогу.

Запищали рессоры, телега прогнулась, почти вминая Литу в грязь. Второй офицер запрыгнул в кузов и инспектировал бочки с бершем, окунем и густерой.

– Чисто, – оповестил он.

«Давай уже», – взмолилась Лита. Мышцы горели.

– Проверь моноклем, – сказал офицер.

Вот оно. В прошлый раз Лите легко удалось просочиться сквозь блокпосты – она пряталась в телеге с икрой, а разгильдяи-стражи не прибегли к помощи Облачного Стекла. Но осенью Сухой Город усилил кордоны. Глашатаи герцога Маринка зачитывали указ: всех, кто незаконно проникнет за стену, теперь не будут лишать лодки или торговой лицензии. Их попросту казнят на главной площади Кольца.

Прощайте, поющие кораллы, и ты, папа, прощай и умри себе спокойно в нищете. Лита, дочь Альпина, девятнадцати лет от роду, пожила и хватит.

Внутренний голос требовал отцепиться от телеги и попытаться улизнуть. Но вместо этого Лита представила хрупкую

черепную коробку сидящего рядом котенка. Представила холодную рыбу в воде. Заглянула за лобную кость лошадки и поворошила бесхитростные мысли: овес, солнышко, мухи.

Офицер ойкнул в кузове. Окуни принялись выскакивать из бочек. Их плавники шлепали по повозке. Что-то блестящее упало в грязь.

– Монокль! Уронил!

Второй офицер, ругаясь, наклонился. Котенок прыгнул из-под телеги.

– Блохастая тварь!

Лита ослабилась.

«Пру!»

Лошадь пошла вперед, заднее колесо проехало по ступне офицера.

– Убью! Выпорю! Убью!

Перепуганный Билли Коффин сыпал извинениями.

– К черту тебя! – процедил, массируя ногу, офицер. – Убейся с глаз долой.

Именно так Лита и попала в Оазис.

Спустя полчаса, набросив на голову шаль, она кралась по одному из великолепных парков Полиса. Надеялась, что прохожие принимают ее за горничную, которую забрызгал грязью промчавшийся кеб. Все же она была слишком хорошенькой для обыкновенной рыбацкой девки (и прекрасно это осознавала).

«Нэй, – бормотала Лита, – чтоб тебя раки сожрали, Георг,

жаба, Нэй».

Люди, праздно гуляющие по парку, были чисты, вальяжны, упитанны. Полная противоположность отощавшим и одичавшим голодранцам Кольца. Они клевали виноград и жареные каштаны. Покупали у лоточника какой-то дымящийся напиток. Кормили лебедей. Во имя Гармонии, они сами были Гармонией, бережно охраняемой от болезней и голода. А оркестр играл бравурную музыку на берегу устеленного кувшинками пруда, мраморные статуи кланялись прохожим, и даже облака, плывущие над шпилями дворца, были какими-то особенно чистыми и толстыми.

Заглядевшись, Лита врезалась в высокого господина и прикрикнула, позабыв, где находится:

– Сын сома! Ослеп, пиявка?

– Отчего же? – молвил господин. Сердце Литы екнуло. Она запоздало прикрыла ладошкой рот. – Зрение у меня отличное, и вижу я простолюдинку, ошивающуюся в Оазисе. – Он покрутил пышный ус. – Полиция Полиса, кнутмастер Серпис к вашим услугам. Предъявите-ка удостоверение, мадам.

* * *

Вийон застал Георга Нэя за исследованием катакомб. Мокрицы и слизи падали со сводов, дух в обличье ласки ловко огибал их. По древним стенам скользила его тень, ни-

чуть не похожая на тень животного.

– Ах, друг мой, это ты. – Нэй улыбнулся компаньону.

В закутке под библиотекой, кроме него, находился Гарри Придонный, колдун, специализирующийся на корабельных лаках и календарях. И, конечно, верный помощник Гарри, дух в образе енота, такого же дородного, как хозяин. Духи обменялись приветствиями на своем языке, и Вийон вскарабкался по штанине Нэя.

Колдуны изучали пролом в каменном полу. Трещину, за которой клубилась тьма.

Лишившись возможности свободно путешествовать по Мокрому миру, Нэй, придворный колдун Полиса, сосредоточился на картах подземелий. Нарисованные сошедшим с ума ключником, карты содержали разгадку давно терзавшей Нэя тайны. Пришлось залучить старину Гарри: Придонному принадлежала Северная башня. Согласно картам, здесь находился склеп, настолько старый, что его обитатели застали мир до Потопа.

Пролом обнаружился под щебнем и слоем грязи, затвердевшей до прочности цемента. Нэй орудовал киркой, круша преграду. Известняковые блоки покрывал розоватый раствор из сульфата кальция и двуокиси железа.

– Может, это спальня почтенного Улафа Уса?

Улаф Ус, старейший из Совета тринадцати, с еще тремя дышащими на ладан колдунами самоустранился от дел, порвал с мирским и дрых где-то в туннелях.

Гарри не оценил шутку.

– Мрак, – шепнул он. Руки Гарри Придонный поджал к брюху, копируя позу енота.

– Хоть глаз коли. – Нэй поднес лампу к трещине.

– Я говорю про иной мрак. Который нельзя выпускать. Колыбель неуспокоенных душ, бутыль со злом. Зря мы сняли печати, Георг, ох зря.

Нэй ухмыльнулся. Гарри было привычнее прозябать в библиотеках, читая о темных материях, чем сталкиваться с ними воочию. Бездна за пробойной шелестела беззвучными голосами, скрипела зубами усопших, скребла когтями по кладке.

– Что тебе, Вийон? – рассеянно спросил Нэй.

Ласка прильнула к уху.

Колдун нахмурился, внимая.

Лита? Эта вздорная плебейка из Кольца? О Творец Рек...

Нэй отряхнул сюртук.

– Пожалуй, Гарри, я займусь склепом позже.

– Мы оставим его... откупоренным?

– Не волнуйся. Напишем предупреждение, чтобы никто не провалился вниз.

– Я волнуюсь, чтобы никто не пришел снизу...

Нэй похлопал удрученного Гарри по плечу.

Часы на ратуше пробили дважды. Нэй рисковал пропустить обед. На кухне завелась весьма миловидная повараха, и готовила она отменных жаворонков. А на Нэя смотрела

так... так, как все поварахи смотрели на Нэя. С восторгом и вожделением. О подвигах колдуна слышал всякий в Сухом Городе.

– Серпис! – Нэй распахнул настежь дверь кабинета. Усатый кнутмастер нахохлился над столом. Щупом и микроскопической отверткой он чинил механическую канарейку.

– Добрый день, Георг. Чем обязан?

– Горожане судачат, утром вы задержали девицу без документов.

– Заметьте, лично! – Серпис выпятил украшенную медалью грудь.

– Где же она? – Нэй покрутился, словно ждал узреть арестованную прямо тут, в кабинете, тесном от механических птиц.

– Знамо где. В кутузке. Вечером ее депортируют за стену и заживо сожгут на глазах семьи. Жаль, ее матушка не насладится казнью, померла.

– Чем вам не угодили виселицы? – Нэй вскинул бровь.

– Увольте, мы не садисты. Знаете, по чему я действительно скучаю? – Кнутмастер вздохнул. – По славным дням, когда мы ломали им кости. Десять костей десятью ударами. – Он разродился ностальгической улыбкой. – Шмяк-шмяк-шмяк.

...Как всякий колдун, Нэй умел творить три заклинания одновременно. Первым он навел глухоту на громадного надзирателя. Вторым отвадил крыс, что нагло роились у ног.

Третьим обратил вонь казематов в цветочный аромат.

– Вы поглядите, кто у нас такой важный! – Лита встала с ледяного пола и прогулялась к прутьям решетки. – Нэй, убийца клопов. Чем занимался все эти месяцы? Швырял невинных девушек в пасть кракенам?

– Мне тоже неприятно тебя встретить, – сказал Нэй.

Лита похорошела. Даже в запятнанном рубище она была милее многих известных ему дам. Но симпатичная внешность скрывала характер речной ведьмы.

– Тебе повезло, что Вийон учуял твою вонь.

– Дух-хомяк? Как он? Ходит в лоток или гадит всюду?

Нэй поморщился.

– Не испытывай судьбу, Лита, дочь Альпина. Говори, зачем шныряла по Оазису.

– Только не загордись. Я искала тебя.

– Меня?

– Говорят, ты лечишь любую сыпь. А у меня на срамном месте выскочил, как назло, прыщик. Посмотришь?

Лита потянула вверх подол. Показались стройные ножки, белые икры.

– Хватит валять дурака! – Нэй не знал заклятий, чтобы перестать краснеть, иначе использовал бы его. – Что у тебя ко мне за дело?

– Ладно. – Лита перестала ерничать. Обернулась, точно проверяла, не подслушивает ли кто. – С тех пор как ты подселил в меня душу старика-маразматика, я вижу разное. –

Она потрогала шрамик на виске, след пули, выпущенной в нее Нэем; понизила голос до шепота: – Плохие сны про мертвых людей... и наяву...

– Разреши. – Нэй сунул руку меж прутьев. Лита отпрянула. Нэй поманил жестом. – Не трись.

– Облапишь – пришибу.

– Больно надо.

Нэй коснулся пальцем девичьей щеки. Запах роз пропал. Заклинание похищенного ока сработало моментально: левый глаз Литы увлажнился, слезинка капнула на руку Нэя.

Пока удивленная Лита терла веко, Нэй поднес палец ко рту и слизал соленую влагу.

Замшелые стены тюрьмы растворились.

Нэй стал Литой. Вернее, переместился в ее голову и смотрел оттуда, как из крепостных бойниц. Взгляд вниз – пышная, покачивающаяся при ходьбе грудь. Взгляд по сторонам – зловонные улочки Кольца. Задворки рыбного рынка. Ящики, поддоны в чешуе, кишки. Коты, ссорящиеся за объедки. Лита присвистывает. Коты встают на задние лапы и комично покачиваются.

С реки дует промозглый ветер. На кольях сушатся сети. Лита идет по мосткам, проложенным над грязью, сворачивает в сумрачный переулок. Его образуют не здания, а клетки с кудахчущими курами. Куры справа и слева, подпрыгивающая грудь внизу. Впереди...

Нэй вздрогнул.

В десяти футах от него... нет, в десяти футах от Литы!.. стоял мертвец.

Загораживал путь. Худой, в драном кителе, с седыми волосами, липнувшими к дырявому скальпу. Речные гады съели ему лицо. Вычистили глазницы. Толстый рыболовный крючок пронзал нижнюю губу, отчего та отвисала к подбородку, оголяя черные десны и обломки зубов. Картинка задержалась. Это Лита в ужасе отскочила от мертвеца. Нэй не осуждал ее.

Будто в ночном кошмаре, умертвие плыло по руслу перелука. Руку оно выпростало к Лите. Что-то мелкое темнело на ладони.

– Скажи Нэю, – забулькал утопленник, – скажи Нэю, я умер как собака. Скажи ему, чтобы навестил мою могилу. И отправляйся с ним. Обязательно – с ним.

Мираж развеялся. Лита смотрела на Нэя внимательно и жевала губу.

– Когда? – коротко спросил колдун.

– Вчера утром. Это из-за того чертова ритуала, да? Из-за него я вижу призраков? Из-за тебя?

«Пытаешься пробудить во мне чувство вины? – хмыкнул Нэй мысленно. – Не выйдет».

– Что он дал тебе?

– Суший пустяк. Покажу, когда ты вытащишь меня из клетки. И когда эти мордовороты, – она зыркнула на оглохшего тюремщика, – отдадут мои вещи.

Нэй двинулся к выходу. Замер на пороге и буркнул:
– Я знал, что намучаюсь с тобой.

* * *

– Так вот оно как – лежать в твоей постели. – Лита при-
нюхалась к перинам, потерлась щекой о шелк наволочек. –
Всем подружкам расскажу.

Рабочий кабинет колдуна был обшит льном с мишурным
орнаментом, устелен шкурами. В камине шуршало пламя,
бросая отсветы на тяжелую мебель. Учитель Нэя, Уильям
Близнец, недовольно следил с закопченного холста.

Лита перекатилась на перине.

– Немедленно встань! – шикнул Нэй. Он в сотый раз от-
ругал себя за то, что привел девку домой. – И перестань му-
сорить!

– Перестань мусорить, – передразнила Лита, откусывая от
кренделя. Крошки сыпались на простыни.

Нэй схватил хулиганку за запястье, рывком стащил с кро-
вати.

– Грубиян!

Затрапезный наряд Литы так измарался в грязи, что при-
шлось купить новые тряпки. Строгое платье гувернантки си-
дело на ней как влитое, подчеркивая прелести фигуры.

Нэй загромыхал книгами чуть громче, чем было необхо-
димо. Расправил на столе карту. Реки испещрили пергамент

черными венами. Острова суши помечали гербы. Русалки, Посейдоны, шуки и осьминоги браконьерских стоянок. Большинство островов канули в пучину, большинство городов разрушил неприятель. Тут и там карта зияла пустотами, белыми пятнами. Если бы Полис развязал ему руки, позволил путешествовать свободно, он бы заполнил пробелы.

– Кушай, тушканчик. – Лита скатала шарик из теста и пульнула через комнату, метя в книжные полки, на которых угнездился Вийон. Шарик отрикошетил от ветхих корешков. Дух обалдело задергал ушами. – Совсем истощал с этим извергом.

Нэй стиснул кулаки. В правом был зажат артефакт из загробного мира, предмет, переданный Лите мертвецом. Вещь, порочащая Гармонию. Тусклая позеленевшая пуговица от кителя с вытравленным на ней якорем.

– Ты узнал его? – спросила Лита, прекратив шататься по кабинету. – Этого призрака?

– Узнал. Капитан Джорди Каллен, один из лучших речников Полиса. В прошлом году на небольшом шлюпе с командой из двадцати человек он отправился к северной воде, за Косматый маяк, и пропал без вести.

– Ну, теперь он прислал тебе весточку, да?

Нэй воздел руку над картой.

– Вы не пытались искать вашего лучшего речника?

– Министерство запретило, – проворчал Нэй, – опасались новых потерь. Северная вода – пиратский край. Множество

небольших атоллов, мель...

– Мель! – Лита притворно выпучила глаза.

– Не понимаю, – сказал Нэй, – зачем Каллену посылать на свою могилу какую-то нищую нахалку.

Вийон засопел, разделяя озадаченность хозяина.

– Эй, нахалка еще не согласилась. Но, – Лита накрутила на пальчик локон, – за определенные подарки... за лодку для моего отца... возможно, я бы...

Нэй щелкнул языком, накладывая на девицу печать молчания.

Лита замычала, затопала ножками.

Нэй проигнорировал ее.

Он разжал кулак, и пуговица спикировала вниз, но в пяти дюймах от пергамента изменила траекторию полета.

Упав на карту, медный кругляш замерцал и исчез, став комочком спрессованного дыма, который быстро испарился, пахнув болотной тиной. Но там, где он приземлился, осталась точка.

Могила капитана Каллена посреди белого пятна.

* * *

Солнечный диск поднимался над пустынным горизонтом, и яркая кровь утреннего зарева текла по воде из невидимой раны. Парус «Каллена» наполнился ветром, волны с шипением бились о корпус.

Нэй стоял на квартердеке и смотрел, как разгорается новый день. Вдыхал запах гниющего дерева и корабельного лака, сваренного Гарри Придонным из скипидарного масла, смолы, рыбьего жира и секретного ингредиента – Нэй поставил бы на помет чаек. Судно воняло кораблекрушением, которым, к слову, и закончилось его последнее плавание: когг налетел на риф.

Полис не имел собственной верфи. В Кольце работала лишь небольшая судоремонтная мастерская – залатать да заштопать. Корабли покупали в городе-верфи Вагланде. Вагланд выращивал лес на архипелаге островов в западных водах. Стоимость судов (в отсутствие конкуренции цены безбожно накручивались) доводила герцога Маринка до зубового скрежета. После неудачной попытки породниться с правителями Вагланда Маринк затаил на соседей злобу. Стоит ли удивляться, что просьба Нэя о снаряжении корабля для путешествия в северную воду наткнулась на прибрежные скалы непонимания его светлости. Единственной уступкой стал дырявый когг. Затраты на ремонт судна, переименованного в честь пропавшего капитана, и содержание экипажа легли на плечи придворного колдуна.

Сомневался Нэй и в готовности герцога подписать пропуск на выход в Мокрый мир для простолюдинки, освобождение которой из лап падальщиков не принесло городской казне ни грана золота. Поэтому заверил общий пропуск для команды из шести человек.

Кто-то тронул его за руку. Нэй повернулся. Лита смотрела на него с прищуром.

– Чего тебе? – спросил колдун.

– Хочу послушать, к какому черту речному нас несет на этот раз.

– Сама знаешь.

– Ой, сомневаюсь.

Нэй мысленно прикрыл глаза рукой. «Если я к этому привыкну, вздерните меня на нее». Чтобы не смотреть на наглую девушку, он перевел взгляд на серые волны.

Лита присела на корточки, уперлась лопатками в высокий фальшборт.

– А правда, что над Соленой рекой дует ветер безумия?

– Он дует над всем миром. – Нэй пожалел о сказанном, едва слова сорвались с языка.

Лита одарила его глухим смехом.

– Не знала, что ты поэт! Посвятишь мне стихотворение, а? Ладно, не серьезничай... Я о другом. Отец рассказывал о кораблях без команды, которые находят в Реке. Нетронутые вещи, на борту ни капельки крови, словно экипаж сам прыгнул за борт.

– Может, и прыгнул, – сказал Нэй, – только ветер тут ни при чем.

– А что при чем?

– Блуждающие волны. Или... сирены.

– Такой большой, а в сирен верит!

– Не верю, а знаю. Я их видел.

Он повернулся к сидящей девушке и наткнулся взглядом на ее большие карие глаза. Ему удалось ее удивить. На секунду.

Лита рассмеялась.

– А ты мастак на небылицы! Я почти поверила! – Она перестала смеяться. – Расскажи мне о месте, куда мы плывем.

– Джорди Каллен умер, пытаюсь это выяснить. В северной воде может быть что угодно.

– А Косматый маяк – это остров или?..

– И остров, и маяк.

– Остров назвали в честь маяка? Тоскливо им там, наверное.

– Ему.

– Что?

– На острове живет только смотритель маяка.

Лита изобразила на лице смертельную скуку. Встрепенулась.

– А почему Косматый?

– Увидишь.

– А Пятна Дьявола?

– Так называют слепые области на карте.

«Каллен» шел по бескрайней Соленой реке. Вийон резвился в такелаже. Матросы скатывали палубу.

Матросов было пятеро. Трое черных, больших, мускулистых и почти незаметных, и двое белых: седовласый здоро-

вяк Томас, шершавый и твердый, как булыжник, и малый с жутко несимметричным лицом, словно состоящим из половинок двух разных лиц, которого Томас называл Сыном. Сын постоянно косился на Литу и разве что слюни не пускал.

На румпеле стоял широкоплечий голем. Когда Нэй покидал палубу, рулевого сменял один из черных матросов, иногда Томас. При Томасе нос когга всегда смотрел строго по заданному курсу, даже если он крепил румпель канатом.

Лита распрямилась навстречу мягкому утру. Увидела на западе вилохвостку и поспешила сообщить об этом Нэю, нашла на востоке небольшую тучу и стала тыкать в нее пальцем, затем долго смотрела в воду и обрадовалась, заметив стайку золотистых рыбок, дорадос.

Лита кружила по палубе. Остановилась, хитро глянула на Нэя, направилась к трапу, переступила через свернутый канат, обернулась.

– Вам не идет эта шляпа, капитан. – У Литы вырвался горловой смешок. – Не к месту она здесь. Захватили с собой треуголку?

Нэй сделал вид, что увлечен расчесыванием меха Вийона. Через полчаса он передал управление судном Томасу и спустился в свою каюту.

Лита не разбиралась в больших судах. Ну... назвать эту посудину большой было преувеличением – но она все же больше рыбацкой лодки, тут не поспоришь. Одна мачта, прямой парус, корпус с высокими бортами. Зубчатые надстройки в передней и задней частях судна («форкастль и ахтеркастль», – просветил Томас. «Красиво, – подумала Лита, – словно крепостная башня на корабле»); за бойницами, если верить колдуну, некогда стояли пушки, прятались лучники. На верхушке мачты располагалось «воронье гнездо», где нес вахту молодой матрос с половинчатым лицом. При виде этого лица девушку пробирал озноб. Еще один Билли, готовый сигануть из бочонка по щелчку ее пальцев, – и плевать, натянута ли над палубой страховочная сеть.

Лита заперла дверь и растянулась на койке. Внизу качка ощущалась слабее. Ветер покинул паруса, вода в иллюминаторе казалась гладкой, обманчиво спокойной. Зеленоватый шелк.

Лита закрыла глаза, но сразу открыла их снова. Боялась засыпать. Во сне приходили мертвецы. Нависали над ней, раскачиваясь.

Она села, придвинулась к столу и глотнула из кувшина вина с пряностями. В который раз осмотрела убогую каюту. Койка. Стол. Комод с крошечным зеркалом. Все привинче-

но к полу, не убежит. На переборках и бимсах висели фонари. Лита зажгла свечу: к зеленоватым теням добавились желтоватые. В глиняной миске лежала опостылевшая рыба, вчерашний улов. Она полила рыбу соусом.

– Приятного аппетита, – сказала сама себе, ковырнула вилкой (отварная рыба расплзлась на куски, устричный соус потек в расселины), не сдержалась: – Ах ты ж гниль жаберная! Гиппокамп дырявый!

Бросила вилку и схватила кувшин.

* * *

Нэй запустил сапоги в угол каюты, скинул сюртук, лег на койку и открыл философский трактат, в котором Полис сравнивался с жемчужиной в раскрытой раковине Мокрого мира. Нэй лично знал автора; Маринк подарил философу домик в парке имени Гармонии. Дрянная и подхалимская книга – Нэй понял это с первой страницы. Философ объяснял Гармонию отражением чистых помыслов герцога, а в нападениях кракенов винил порочный образ жизни жителей Кольца. Нэй все же прочитал несколько страниц, чтобы утвердиться в мысли о плети на спине философа как о высшей справедливости. А лучше пройтись по пальцам автора, по каждой косточке, шмяк, шмяк, шмяк, как говорил Серпис. Нэй захлопнул книгу и дернул головой: что-то его понесло...

Штиль кончился. Соленая река вновь вздыбилась под суд-

ном. Некоторое время колдун лежал с закрытыми глазами, прислушиваясь к ударам волн о корпус. К скрипу переборок и обшивки. Различил новый звук, выбивающийся из монотонных жалоб судна. Открыл глаза и посмотрел на переборку. Затем встал, натянул сапоги и вышел в узкий коридор под шканцами.

На подволочных крюках покачивались грязные фонари. Нэй замер у двери в каюту Литы. Поднял руку, но не постучал. Стоял, вслушиваясь. Затем коснулся темного дерева заклятием прозрачности.

Задвинутая изнутри щеколда и кованые полосы с петлями повисли в мерцающем воздухе.

Каюта Литы была вдвое меньше его собственной. На столе – огарок свечи и миска с галетами и рыбьими костями, под койкой – пустой кувшин. Лита сидела на краю койки. Волосы ее падали на лицо и высокую грудь. Медовый водопад.

Нэй засмотрелся.

Нельзя не признать, что его тянуло к этой плебейке. Лита была очень красива. Ее красота была наглой, дикой и оттого влекла еще сильнее. Взывала к грубости и нежности одновременно. Иногда Нэю казалось, что он смотрит на детеныша тюленя, который жадно обгладывает медвежью лапу.

Он увидел ее подрагивающие плечи и решил, что она плачет.

И тут же понял, что ошибся. Голова Литы задергалась из стороны в сторону, словно девушку хлестали по щекам. Во-

лосы двумя струями разлетелись по обе стороны лица. Лита жевала нижнюю губу. В глазах клубился мрак. Лицо потускнело, на коже проступили гниlostные пятна.

Она пребывала во власти черных видений.

Нэй толкнул дверь – та не поддавалась. Щеколда! Он набросил на рычажок ментальную петлю, но в этот момент приступ миновал: призраки покинули каюту, оставив в глазах девушки тусклые тени. Такие тени Нэй часто видел в глазах покойной матери, высокой жилистой женщины, гувернантки и, по слухам, любовницы милорда, когда она читала ему книги по этикету, а душой находилась в другом месте.

Взгляд Литы сфокусировался на двери, растерянный и сердитый. Она не могла видеть Нэя, но тот непроизвольно отступил. В какие бездны она заглядывала всего несколько секунд назад? Он решил отложить этот разговор на потом, если ей будет что сказать. В конце концов, именно для этого он и взял ее с собой – как переводчицу с языка призраков, ведь так?

Днище когга громко потрескивало.

Нэй вернулся в каюту, чтобы отдохнуть. Открыл сундук, достал из соломы бутылку черного стекла, плеснул в стакан и выпил. Бренди обожгло горло, тепло заструилось по пищеводу. Нэй устроился в кресле со сборником стихов и забылся сном на третьем монориме.

Волны облизывали скулы «Каллена», бежали за корму. Свернувшись кольцом на тонком матрасе, заснул и Вийон.

Попутный магический ветер трепал парус. За кормой «Каллена» тянулся пенный кильватерный след. На палубе горели огни.

Шел третий день плавания. Небо на востоке окрасилось в светло-серые тона.

– Капитан!

Нэй задрал голову. Соленый ветер пощипывал чисто выбритые щеки.

– Вижу свет, капитан! – прокричал Сынок из вороньего гнезда.

Нэй поднялся на шканцы. Долго всматривался в густой туман, прежде чем различил неясный свет, похожий на красный свечной огонек, который то появлялся, то пропадал. Белесая, напоминающая пену дымка стерла горизонт: в ней заканчивалась вода и начиналось небо.

– К повороту приготовиться! – крикнул Нэй матросам, и те бросились брасовать рей.

Подчиняясь мысленной команде капитана, голем повернул румпель.

Судно взяло курс на красные вспышки маячной башни. Свет загорался и гас.

Через час вышли из тумана и увидели остров. Он приближался, обретая форму и теряя сходство с мертвым кра-

кемом. Бурлящие волны омывали шершавые слоистые скалы и мшистые обрывы, вливались в зубастые гроты.

Красный маяк мигал. Потом он потух и больше не загорался.

«Каллен» обогнул мыс и, следуя створным знакам, вошел в каменную бухту. В глубине острова темнел дикий лес.

Косматый маяк ввели в строй три года назад. Пятидесятифутовый колосс навевал мысли о безбрежном одиночестве, пробирающем до кишок холоде и ежедневной рутине: чистке отражателей и фитилей, замене масла в лампах. «Тоскливо им там...» Нэй отряхнулся от слов Литы.

А она была тут как тут.

– Я с Томасом почирикала. Ты знал, что прошлый смотритель не выдержал и двух месяцев? Начал слышать голоса. А потом пропал.

– Кому он рассказал о голосах, если пропал?

– Томас говорит, что его забрали водяные эльфы.

– Значит, скоро вернется. Синенький, мертвенький.

– Фу таким быть. Это не смешно!

Судно стало на рейд вдали от берега. Ни причала, ни песчаной косы – камни, камни, камни.

Волосы Литы развевались на ветру.

– Поплывешь со мной, – сказал Нэй.

– Не оставишь меня с мальчиками?

Спустили шлюпку. Нэй скинул веревочный трап и повернулся к Лите:

– После тебя.

– Боишься не сдержаться и заглянуть ко мне под юбку?

Нэй криво улыбнулся.

– Ты в брюках.

Лита захохотала – корабельный колокол, в который набилась тина, – и проворно спустилась по лестнице.

– Только ты и я? Так волнительно.

Нэй молча спустился следом, оттолкнулся от когга и сел за весла.

– И правда косматый. – Лита смотрела на мыс. – Это что, мох?

– Древесный волос.

Тонкие серо-голубые пряди обвивали башню от основания до красного глаза, сейчас закрытого, слепого. Утренний свет путался в лохматых порослях, порождая длинные игристые тени. Диана Гулд – придворный колдун Полиса, пожелавший стать придворной колдуньей, – набивала древесным волосом ритуальных кукол.

Нэй выпрыгнул из шлюпки и затащил ее на валуны. Мелкие волны облизывали сапоги из акульей кожи. Под подошвами хрустели устричные раковины.

К маяку вела дорожка из плоских камней. Прежде чем ступить на нее, Нэй и Лита измазались прибрежной грязью. Вийон лихорадочно принюхивался.

Между маяком и лесом лежал пустырь, слева поднимался холм, на гребне которого уместно смотрелась бы небольшая

церквушка. К башне маяка был пристроен маленький домик, возле крыльца лежала перевернутая вверх дном лодка с расстеленной поверх сетью, придавленной к земле камнями.

Нэй остановился, зажег фонарь и передал Лите.

– Держи ровно. Если начнется – не роняй. – Он расстегнул кобуру.

– Что начнется?

– Что уго...

Лита не слушала: рассматривала ползущие по стене стебли, провела пальцами по шиловидным листочкам, мелким цветкам, зарылась рукой вглубь – длинные «бороды» отмерших побегов зашевелились, заструились по камню.

– Тут какие-то чешуйки.

– Хватит, – грубо сказал Нэй.

Дверь оказалась незаперта.

* * *

Первым маяк исследовал Вийон. Исшарканные деревянные ступени винтовой лестницы. На самой вершине – большие лампы, заправленные китовым жиром, вогнутые металлические отражатели. Под фонарем – крошечная комната смотрителя. Незастеленная кровать. Кухонный стол. Остановившиеся часы. Дождевая шляпа и плащ на вешалке.

Лита едва не грохнулась во время спуска. Нэй схватил ее за локоть.

– О, ты спас мои коленки... – Девушка осеклась. В распахнутой двери стоял высокий белокурый парень с просоленной кожей и цепкими черными глазами.

– Кто вы? – спросил смотритель на речном языке. Он целился в Нэя из арбалета.

Пистолет колдуна смотрел в тонкую переносицу парня.

– Георг Нэй, ученик Уильяма Близнеца из Сухого Города, – сказал Нэй.

Литу он не представил. Не стал рисовать в воздухе знак тайной полиции – парень был впечатлен и без этого, впечатлен и... испуган. Черты его лица, правильные и красивые, портило глуповатое выражение, поголовно присущее клеркам Министерства.

Смотритель опустил арбалет и шмыгнул носом: «ффамп».

– Чего надо?

– Мы ищем капитана Джорди Каллена. В прошлом году он должен был останавливаться здесь по пути в северную воду.

Смотритель достал из куртки платок и громко высморкался. Лита закатила глаза. Вийон вскарабкался на плечо колдуна. Духу-ласке не нравился парень, и Нэй согласился с такой оценкой: было в лице смотрителя что-то еще, помимо красоты и глупости... Нэй понял, что смотрит в лицо фанатика.

– Кто-то останавливался. А потом уплыл. Мое дело, – парень ткнул пальцем вверх, – лампы.

– Здесь будем говорить? – спросил Нэй.

«Ффамп», – издал носом смотритель и махнул рукой: за

мной.

Домик зрителя мало чем отличался от комнаты под фонарем. Кровать, набитый соломой матрас. Стол и стул. Ведро в углу. Всё как в тюремных камерах Полиса. Разве что полки с побрякушками в камерах не вешают. Нэй провёл взглядом по пыльным доскам: кусочки кораллов, камни причудливой формы, ракушки.

Его внимание привлекла раковина речной улитки. Хитиновая трубка, светло-синяя с темно-красным швом, закрученная в коническую спираль с широким устьем на последнем обороте. Такие раковины лучше всего поддавались магической настройке.

Нэй подошел ближе, чтобы зритель понял, куда он смотрит.

– Небольшая коллекция?

На лице парня мелькнула растерянность, но он быстро с ней справился.

– Я... да, собираю...

Лита стояла в дверях, надув губы, – обиженная тем, что светловолосый отшельник не удостоил ее и полувзглядом.

Зритель положил арбалет на стол. Нэй повернулся к парню лицом. Не хотел пускать его к себе за спину.

– Мое дело – лампы, – зачем-то повторил зритель, отводя глаза.

– А мое – поиск капитана Каллена, – сказал Нэй.

– А что рассказывать? Ну, был здесь один. С картой. А

потом...

– ...уплыл, – фыркнула Лита.

– Угу, – сказал смотритель, даже не взглянув в ее сторону.

– Я должен увидеть, – сказал Нэй. – Вспомни тот день, подумай о нем.

Колдун приблизился и протянул руку к обветренному лицу смотрителя. Ему не хотелось этого делать, но он должен был удостовериться, что Джорди Каллен не закончил свой путь на Косматом острове. «Не закончил. У тебя ведь есть точка на карте, в которую превратилась пуговица...» На шее смотрителя натянулись жилы. Нэй чиркнул пальцем по лбу парня и словил упавшую слезу.

Лита захихикала, предвкушая.

Нэй заклинанием захлопнул дверь перед лицом девушки и поднес палец ко рту.

* * *

Волны набегали на корпус когга, пучина под ними была голодна. Маяк медленно растаял за кормой. По темному небу плыли вихрастые облака.

– Ты с каждой подружкой такой фокус проделываешь? – не унималась Лита. – И чьи слезы вкуснее?

– Подружкой? – не понял Нэй.

– А ты не видел, как он на меня смотрел?

– Он на тебя не смотрел.

– А я про что! Ну, дошло?

– Ты хочешь сказать...

Лита раздраженно покачала головой.

– И что ты увидел в голове новой подружки?

– Ничего, что могло бы помочь. Каллен был на острове, но в тот же день ушел на Север.

В голове зрителя было темно и скользко – Нэй словно пялился на мир из илистого грота. Из клубка слизи, из бесконечного «ффамп». Заклятие похищенного ока пробудило чувство тошноты и слабости. Он поспешно сбежал из чужого воспоминания.

– Ты ему просто не понравилась, – сказал Нэй, но Литы уже не было рядом.

Прокладку курса к черной точке на белом пятне карты взял на себя Томас. Матрос ежечасно сверялся с компасом и секстантом.

Когда по волнам разлилась бледная луна, Нэй поднялся на палубу и пробудил голема.

– Это вовсе не обязательно, сэр, – сказал черный матрос.

– Ты устал, – сказал Нэй. – Вы все устали. Спускайтесь вниз и отдохните. И пришли мне Томаса.

Глиняный слуга взялся за румпель. Плоское красное лицо бессмысленно смотрело вперед. Нэй потянул за нить заклинания – и парус выгнулся, наполняясь ветром.

На шканцы поднялся Томас. Нэй проговорил с бывалым речником до самого рассвета. Речные обитатели сновали в

воде темными лентами.

* * *

Судно трянуло, и Нэй вцепился в штормовой леер мертвой хваткой. Казалось, голему с трудом удастся держать «Каллена» на нужном курсе. Волны захлестывали палубу.

– Эй, подсоби! – крикнул Томас.

Чтобы когг не опрокинулся, матросы уменьшили площадь паруса, беря на нем рифы. Нэй пробудил второго голема и призвал на помощь команде. Матросы постоянно падали, покрываясь синяками и ссадинами. Деревянный корпус когга угрожающе скрипел, стонал рангоут.

Штормовой ветер, с которым не могло справиться ни одно заклинание, стих к обеду следующего дня. Все это время Нэй провел на палубе, управляя големами. Литу тошнило в каюте под испуганным взглядом Вийона, который не пожелал остаться один в каюте Нэя.

Ураган выдохся. Солнце прорвалось из-за черного небесного дыма, дождь закончился, и на мокрой палубе «Каллена» заиграли солнечные блики. Ветер утих и задул с юга. Чтобы удерживать курс, шли в бейдевинд, очень круто к ветру.

– Мы рядом, кэп, – уверил Томас, склонившись над картой. – Вот только, сдастся мне, мы уже знаем, что погубило Каллена.

– Ураган?

– Он самый, кэп. Из самого ада ураган. Нас только хвостиком задело. А старому волку Каллену, видать, не повезло.

«Каллен послал меня на поиски обломков погибшей в урагане шлюпки?» Нэй в это не верил.

– Тысяча церквей! – воскликнул Томас. – Кэп, гляньте на компас.

Картушка компаса крутилась по часовой стрелке. Нэй отпустил нить управления рулевым-големом, чтобы удостовериться, что дело не в магии. Прибор сошел с ума.

Река успокоилась. Высоко-высоко стояли белые облака. Шли прежним курсом, уменьшив скорость и надеясь, что не слишком уклонятся от цели, если ветер вдруг переменит направление.

Спустя два часа Сынок заметил в воде обломок мачты. Матросы с тревогой всматривались в молочную мглу, на лицах читался слепой страх. Неизвестность изматывала.

– Вперед смотреть! – приказал Нэй.

– Есть смотреть! – вяло откликнулись матросы.

Лита поднялась на шканцы, но помалкивала. Тоже пробрало?

Потянулись крохотные вулканические островки. Картушка компаса перестала крутиться – теперь ее качало из стороны в сторону. Заморосило.

– Трава, – сказала Лита.

Пучки зеленой травы, судя по всему, недавно вырванные

из земли, плавали вокруг судна. Скорее всего, их сорвало волнами со скал.

Нэй почувствовал, как в душе проклевываются темные ростки беспричинной печали. Если бы можно было выкорчевать их колдовством...

Томас поймал руками странную птицу, у которой не было лап. Птица лишь отдаленно напоминала уродливую чайку: огромный загнутый на конце клюв, красные глаза, ржавые пятна на крыльях.

Река кишела травой, зеленый камыш лип к корпусу.

А потом они увидели коралловые рифы. Архипелаг кольцеобразных островов, разделенных проливами. Вулканы, которые замерли с раскрытыми над водой кратерами: коралловые рты, голубые лагуны.

Дно Соленой реки вздыбилось, встав на пути «Каллена».

– Я могу помочь, – сказала Лита.

Нэй кивнул.

– Веди.

Он коснулся ее плеча, и увидел мир глазами конгеры, прошмыгнувшей под килем судна, и направил когг между коралловыми нагромождениями и песчаными косами. Избегая шельфов и острых как бритва скал.

– Стоп! – приказал Нэй, когда картинка померкла и Лита завалилась на него, заслонив лицо руками. – Спустить парус!

– Что ты видишь?

– Мертвых... посмотри сам...

Нэй посмотрел.

Мертвецы стояли на воде плотным рядом, будто не желая, чтобы судно шло дальше. Предупреждали об опасности. Мертвые капитаны и матросы в изорванных истлевших одеждах, с раздувшимися телами и пустыми глазницами.

Он видел их сквозь туман, и что-то еще – за ними... похожее на огромный плот.

Нэй сморгнул черное видение.

– Глаз!

Томас вложил ему в руку трехколенную зрительную трубу, и Нэй припал к окуляру. Покрутил колесико, фокусируясь на плавучем помосте.

Плот – широкий, как Река, – был сколочен из обломков парусников: каракк, коггов, каравелл, джонок, мтепи и гичек. Мачты, надстройки и разломанные на части корпуса. Кладбище флотилий, растекшееся по воде деревянной пленкой, стянутое каболками и линиями, густо поросшее водорослями. Атолл был запружен досками, брусьями, киями, шпангоутами, бимсами и носовыми фигурами.

Матросы убрали парус.

Нэй присел рядом с Литой.

– Они хотят нам что-то показать, но не хотят, чтобы мы подплывали ближе. Как это понимать?

Лита ответила не сразу.

– Они не хотят, чтобы мы подплывали на *корабле*.

Нэй обдумал это и поднялся.

– Спустить шлюпку!

* * *

Туман, везде туман. Плот исторгал его как дыхание.

Нэй ступил на плот и привязал лодку. Следом за колдуном из шлюпки выбрались Томас и голем. Хлипкая конструкция закрипела под весом здоровяка и глиняного человека.

Томас шел, выставив перед собой багор. В руках Нэя были пистолет и шпага.

Вода плескалась о бревна. Из мглы выплыла голова деревянного льва, потемневшая от влаги и мха. Точно такая же украшала нос судна Джорди Каллена.

Нэй остановился, прислушиваясь.

Тишина длилась полминуты, потом он услышал странное эхо, которое донеслось откуда-то спереди, издалека. Оно приближалось, потом стихло, развеялось, как акустический туман. Нэй пошел дальше.

– Кэп... – вырвалось у Томаса. Лицо матроса перекошилось от страха.

Нэй снова уловил звук шагов, ближе, намного ближе. В

этих звуках было что-то неотвратимое и жуткое. Нэй замер, пропустив голема вперед. Ему показалось, что он различал что-то похожее на кашляющий смех или издевательский хрип.

Нэй устремился на это демоническое звучание, желая поскорее получить ответ на вопрос: кого скрывает туман? Он ускорил шаг. Он был целеустремлен, как и невидимый противник, и поэтому не испытывал страха. Вийон вытянулся в струну, запустил когти в спину колдуна.

Плот покачивался на волнах. Расстояние сокращалось, и Нэй понял: скоро. Томас спотыкался и таращил глаза, но шел рядом.

Нэй остановился и замер. Сделал знак матросу. Обездвигил голема. Достал из кармана пузырек с серебристой жидкостью и разбил о доски.

Серебряные искры подожгли грязное марево, словно туман был тополиным пухом.

Помост сотрясали тяжелые шаги... Из расступившегося тумана выскочил человек, настолько огромный, что в первое мгновение колдун принял его за зеркальное отражение голема. Семифутовый гигант с багровым лицом и напряженной бычьей шеей, он летел навстречу Нэю. Сжатые губы были пробиты рыболовными крючками. Глаза безумного рыбака горели жаждой убийства. Свирепость взгляда гиганта могла подломить колени даже бывалому воину. Только не Георгу Нэю.

Кровь неслась по его жилам расплавленным свинцом. Нэй с усилием избавился от мысли об отступлении. От всех мыслей до единой; кто перед ним, придется выяснить позже. А на что способен противник, он узнает прямо сейчас.

Череп Нэя наполнился гудящим мычанием, исходящим из глубин брюха гиганта.

Колдун хладнокровно навел пистолет и выстрелил рыбаку в грудь.

Вместе с гильзой над пистолетом взлетело облачко дыма. Резко запахло порохом.

Пуля не остановила гиганта. Скрикошетила от панциря: бивней и раковин, вплетенных в накидку из рыболовной сети.

Нэй взял на мушку багровое лицо и нажал на спуск. Гигант на бегу закрылся рукой, в которой сжимал огромный ржавый крюк. Выстрел. Выстрел. Выстрел... Прицельной стрельбе мешал неровный раскачивающийся настил. Нэй разрядил пистолет и, выхватив шпагу, опустил ее на пятнистый лысый череп гиганта.

Клинок со свистом рассек воздух. Рыбак двигался с быстротой болотной кошки. Он не только ушел от удара, но и едва не подцепил Нэя на крюк – колдун отпрыгнул и сразу подобрался, готовый к новому прыжку. Мышцы гудели, как натянутый лебедочный трос. Он взмахнул шпагой, сделал выпад правой ногой и нанес круговой удар – рыбак отбил клинок над головой! – ударил снова – рыбак увернулся.

Быстрые удары Нэя не достигали цели. В действиях гиганта не было системы – только хаос и безумие. Каждая встреча шпаги с крюком отдавалась болью в вооруженной руке Нэя, который атаковал скачками, отбегал назад, прыгал влево и вправо. Колол и рубил. Менял позиции. Тщетно! Гигант был проворнее и сильнее.

Проворнее и сильнее, даже когда в бой вступил Томас.

Нэй пустил в сознание мысль о смерти. Понял, что проигрывает. Сюртук и плащ из бурой кожи свисали клочьями. Раны кровоточили. Острому крюку гиганта всегда не хватало лишь самой малости, чтобы сделать их смертельными. Нэй поставил всё на один-единственный скоростной выпад.

Томас пытался достать безумца гарпуном.

Сейчас! – пискнул Вийон.

Нэй резко шагнул вперед и молниеносно распрямил руку в локте.

Острые шпаги проткнуло пустоту.

Кулак гиганта прилетел откуда-то слева и снизу, и в следующий миг колдун оказался в воздухе. Грудную клетку словно расплющил паровой молот, еще не до конца прирученный, но обещающий изменить производство Полиса. Нэй кувыркнулся в небесах и оказался в воде, проломив, как корку льда, настил из лодочных весел, скрепленных лентами парусной ткани.

Удар вышиб из него дух, оборвал нить заклęcia, связывающую с Вийоном. Холодная вода накрыла с головой, в щи-

колотки вцепились водоросли, холодные пальцы. Нэй ринулся вверх.

Вынырнул и стряхнул с лица волосы. Шляпа осталась под водой. Он схватился за край проруби, острая щепка впилась в ладонь.

«Вийон?»

Зверек полз по торчащей из воды мачте. Мокрый до кончика хвоста, но невредимый.

«Томас?»

Томас ткнул багром в плечо гиганта. Второй удар не достиг цели – багор разминулсЯ с лысой головой. Томас ударил в третий раз. Деревянная рукоять сломалась о руку с крюком, которую рыбак выбросил навстречу. Другой рукой он саданул матросу в челюсть, и у Томаса подломились ноги. Устояв, он оказался в питоньих объятиях гиганта.

Нэй затащил себя на плот (обломок весла расцарапал грудь) и искал взглядом шпагу.

Томас сопротивлялся до последнего. Извивался и вырывался. На татуированной шее матроса вздулись черные вены. Потом из горла Томаса вырвался приглушенный всхлип, и из глаз ушла осмысленность.

Гигант разжал хватку и, подняв жертву одной рукой, будто тряпичную куклу, вогнал крюк под кадык Томаса. Острие выбило зубы и раздвинуло губы мертвого матроса. Гигант вырвал крюк – воздух окрасился красной пылью – и швырнул тело по дуге в Нэя.

Тот успел откатиться в сторону. Подхватил шпагу, вскочил на ноги за спиной глиняного истукана. Слишком поздно он вспомнил о големе, слишком поздно для Томаса... На бессмысленные сожаления не было времени.

Нэй потянул нить заклинания.

Гигант и голем сошлись на обломках каравеллы, на покрытом солью выцветшем гербе одного из островных городов. Голем шел раскинув руки, безумный рыбак размахивал крюком.

Они сблизились. Гигант ударил крюком, направив острие в голову голема. Нэй не стал отдавать команду увернуться – глиняные слуги не отличались скоростью реакции. Вместо этого он мысленно толкнул голема вперед, опрокинул на гиганта. Крюк провалился в пустоту за красной головой, голем боднул противника – расквасил багровое лицо. Гигант зашипел, и только. Отшатнувшись, он занес крюк, извернулся и отпрыгнул на шаг. Затрещали доски, загудели медные листы сорванной обшивки.

Мокрый Вийон забрался на плечо мокрого хозяина.

Рыбак закружил вокруг голема, не подпуская того слишком близко. Он делал резкие выпады – изогнутый стержень выбивал из широкой фигуры куски глины. Голем выбрасывал вперед квадратные кулаки, но гигант уклонялся от ударов. Сам же бил прицельно и сильно. Лицо голема потеряло всякое сходство с человеческим.

Размашистым выпадом гигант снес большую часть глиня-

ной головы – и издал клокочущий клич.

Воспользовавшись моментом, Нэй бросил обезглавленное тело вперед и вправо: поймать безумца в капкан, раздавить, сломать, как тот сломал Томаса... Гигант поднырнул под руку голема, мгновенно развернулся и схватил противника за предплечья. Уперся ногой в глиняную поясницу. Покрытое шрамами тело затряслось от напряжения, гигант заревел – и рухнул назад с оторванными руками голема, которые тут же осыпались сухой крошкой.

Нэй отдал последнюю команду и побежал в сторону шлюпки, надеясь, что выбрал правильное направление. «Сражайся, пока можешь». За его спиной безумный рыбак сокрушал безрукую и безголовую пародию на человека.

Нэй мчался по плоту. Обернулся.

Гигант неся длинными прыжками – нагонял. На утесоподобной груди подскакивала удерживаемая кожаным ремешком светлая ракушка с темным рисунком спирали. В широких сапогах хлюпали вода и кровь. Крюк потрошил складки мглистого воздуха.

Рыбак зарычал и вдруг исчез за вздыбившимся настилом из мертвых кораблей. Огромный пузырь газа вырвался из трещины речного дна и поднялся вверх, ломая доски и бруссы. Раздался оглушительный хлопок, мир лопнул, и на месте опавшего гребня образовалась воронка, в которую потянуло обломки, воду, небо...

Нэй сотворил заклятие: оградил себя и Вийона от разверз-

шейся пустоты и смертоносного газа. Воздух вибрировал на кошмарной частоте, нутро Нэя заполнил вопль паники. Плот разваливался на части.

* * *

– Что это было?

Лита круговыми движениями массировала грудь Нэя, втирала мазь в царапины. Он морщился, но терпел. Кожа колдуна была белой в свете корабельных ламп, левый сосок крест-накрест пересекал застарелый шрам.

С судна Лита, забравшись в «воронье гнездо» по веревочному трапу, видела фрагменты боя, мечущегося по уродливому плоту детину и как легко он убил бедолагу Томаса и справился с големом. Она кусала кулаки и умоляла чернокожих матросов помочь Нэю, но шлюпка при «Каллене» была всего одна, а строй мертвецов по-прежнему мешал подплыть поближе к вотчине гиганта. Лита видела, как пузырь разрушил тонкий настил и как плот за минуту расползся кусками погибших лоханок.

Нэй выдавил на поврежденную ладонь бурую мазь. Вийон жалобно вился вокруг хозяина.

– Кто он? – снова спросила Лита. – Сын водяных эльфов? Дружок сирен? Племяш Хафгуфа?

– Он – порождение Дьявольского Пятна, – ответил Нэй, жестом останавливая массаж. Лита, ставшая свидетельницей

смерти Томаса, смутилась от мысли, что не хочет, чтобы Нэй одевался, скрывал под материей поджарый торс.

«Нашла о чем думать», – укорила она себя.

Нэй накинул сухую рубаху. Сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Он – Дьявольское Пятно. Творцу Рек известно, как долго он сидел там, сторожил и грабил корабли. Джорди Каллен взывал о мести.

– Выходит, эта обезьяна – обыкновенный псих? Разбойник?

– У Соленой реки нет ничего обыкновенного. Уильям Близнач говорил, что, пока люди кормят тьму, тьма кормит своих слуг.

– Не понимаю. При чем тут кормежка?

Палуба заходила ходуном под босыми пятками Нэя, под плоской подошвой Литиных туфелек. Уцелевший голем вел когг обратно к Косматому острову. Матросы переговаривались, вспоминая Томаса, отличного речника и отважного человека. Вечером они помянут товарища доброй порцией рома. Если выведут судно из чертовых вод. Если сами не присоединятся к Томасу.

– Рыбак, – сказал Нэй, – создал гнездо из чистого зла. Это словно тряпина, которая не позволяла духам речников упокоиться в мире. Нечто чуждое Гармонии. Чернота. Гармония наоборот. – Нэй взглянул с сожалением на порванный плащ, через прореху посмотрел на Литу холодным серым глазом. –

Я чувствовал магию, но она исходила не от рыбака. Что-то пребывало среди рифов задолго до его появления.

Лита кивнула, думая о зловещем жилище великана, представляя, как тот рыбачил, выдергивая жизни из тел случайных путников, будто бьющихся окуньков из воды.

– Но теперь рыбака нет? – спросила она.

– Боюсь, газа недостаточно, чтобы остановить того, кто пропитался злом.

– Тогда... – Лита захлопала ресницами. – Мы просто убегаем?

– Мы – хитрая рыба. – Нэй подал Лите бинты и подставил руку со свежим стигматом по центру ладони. – Хитрая и жестокая. Мы разрушили дом рыбака и нынче наведемся к его жене.

* * *

Волны цвета смолы бушевали у скал и кипели в гротах. Серый рассвет превратил лес в готовую обороняться армию. Маяк был предводителем воинства, стариком-исполином с седыми развевающимися кудрями древесного волоса. Таким исполинам, свирепым и надменным, поклонялись северяне. Глаз циклопа пылал красной звездой. Указывал путь, но путь был ложью и заканчивался на крючке садиста.

Смотритель посылал суда в сети рыбака. Своего любовника – гомосексуализм не был чем-то из ряда вон выходящим

для граждан Оазиса. Иные вельможи тайно предавались мужеложству, а три ангельски красивых служки всюду сопровождали кардинала Галля, улыбаясь ему подобострастно и порождая скабрёзные анекдоты, пересказываемые в хибарах Кольца.

Нэй понял, что к чему, сравнив медальон великана с экземпляром из коллекции зрителя. Хитиновая трубка, темно-красная спираль... В детстве он и сам играл с подобной побрякушкой. Вторая была у его матери, и, настроив раковины, они передавали друг другу сообщения на расстоянии. Уже после смерти мамы десятилетний Георг был разбужен шепотом, звучавшим из осиротевшей раковины.

«Найди Уильяма Близнеца», – говорила мертвая мать ошеломленному мальчику.

Тоненький свист отвлек от воспоминаний.

Длинный болт крепостного арбалета впился в глину.

– Вот ублюдок, – шикнула Лита. – Змеюка рогатая!

Они двигались стайкой от бухты. Голем, как щит, маршировал впереди. Нэй, Лита и один из черных, парусных дел мастер по имени Эмек, жались за широкой спиной глиняного человека. Болты впивались в грудь и голову голема. Застревали, топорщились иглами речного дикобраза. Отшельник стрелял, притаившись на вершине башни.

Команда преодолела половину пути, когда, по-видимому, у зрителя закончились боеприпасы. Сгустки тумана рыскали по пустырю, будто души мытарей, скрипел на ветру лес,

обогранный светом мощных ламп. Внезапно красное око погасло.

Голем извлек из плоти занозы болтов и передал колдуну. Нэй сунул смертоносный пучок в походную сумку. Дал указания матросу, потянул за нити. Вийон сновал по плечам.

Здоровяк Эмек плечом выбил дверь, голем первым ввалился в комнату под куполообразной крышей маяка, но его помощь не потребовалась.

Частое испуганное «ффамп-ффамп» доносилось из-за кровати. Смотритель забился в угол, его трясло. Сопли обильно струились из ноздрей, словно это холодное и липкое вещество, заменявшее ему мозг, вытекало наружу.

Удивительно, однако все, что испытал Нэй, взглянув на убийцу стольких речников, была брезгливая жалость.

– Не троньте нас, – гнусавил отшельник, прикрываясь разряженным арбалетом. – Оставьте нас в покое.

«Любопытно, – подумал Нэй, – это проклятые места порождают безумцев или безумцы отравляют тьмой Реки и суши?»

– Именем Гармонии, – провозгласил колдун.

Лита, прерывая, подлетела к смотрителю и пнула что было сил между ног.

– А девица не промах, – сказал довольный матрос.

План сработал. Пегий альбатрос рассказал Лите, что лодка приближается к острову, к призывно мигающему маяку. Ветхая, ошестинившаяся наростами набойная ладья словяков. Такой управляли обычно шестеро дюжих гребцов, но орудовавший веслами гигант справлялся в одиночку.

Он проигнорировал неподвижный, вытянувшийся в направлении дрейфа когг и причалил к каменистому берегу гавани.

Крюк волочился по земле, чертя прямую линию. Моросил противный дождь.

Красный демон в отблесках ламп. Покатые плечи, шишковатый череп. Бивни, вплетенные в накидку, ставшую броней. Кожаный фартук, расшитый бобровыми пластинками. Сложно было представить, что именно к этому слитку мышц и ненависти обращался, вцепившись в раковину, смотритель: «Милый, беги, забудь меня, это засада!»

Милый?

Гигант пер буйволом к маяку.

Нэй скорчился за перевернутой лодкой.

Первая нить соединяла его с Вийоном.

Две другие сплетались вместе, трепетали в такт с жилкой на виске колдуна. Пот струился по худому лицу. Пальцы сжимали рукоять арбалета.

Рыбак вышиб дверь, шагнул в пристроенный к маяку домик. Здесь после кровавых дел зверь становился для свихнувшегося зрителя нежным и ласковым. Как они познакомились? Как получилось, что даже у таких существ есть пары, а Георг Нэй за все годы не нашел никого, кто развеял бы пламя в душе?

За годы, прошедшие с того дня, когда тьма поглотила голубые глаза возлюбленной...

Нэй, горбясь, побежал к западной стене домишка.

Ему не нужно было заглядывать в окна. Вийон, схоронившийся на полке, передавал четкую картинку: комната, освещенная свечными огарками. Расположившаяся на кровати Лита. Она улыбается, привечая великана. Сумерки скраывают недостатки Нэева мастерства.

Тень рыбака накрывает Литу. Девушка протягивает великану подарок: отрезанную голову зрителя. Белокурые волосы слиплись от крови. Остекленевшие выпученные глаза встречаются с мутными глазками рыбака. Лита сама похожа на фурию, демонессу.

Крик боли исторгается из черных недр гиганта.

Лита хохочет, а рыбак не видит ничего, кроме головы любовника. Не замечает привязанный под потолком бурдюк. Аккурат над лысой макушкой.

Он бьет крюком. Стальной клюв прошибает лоб Литы, сминает черепную коробку, разбрасывает по постели мозг. Рыбак рубит снова и снова, пока Нэй распрямляется в окне и

наводит мушку на притороченный бурдюк. Вийон соскальзывает с полки. Сплетенные нити отпущены и тают, тает искореженный труп Литы, исчезает отсеченная голова. Настоящая Лита в башне подмигивает связанному зрителю. Зря она критиковала созданную Нэем тюльпу: «И это я? Ни капли не похоже! Что у меня с носом? Почему он такой кривой? Ты ослеп, Георг Жаба Нэй?»

Но Нэй не старался сотворить шедевр, он сыграл, положившись на полутьму и гнев убийцы.

Выпущенный из арбалета болт пронзил замшевый мешок. Переливающаяся жидкость хлынула на лысину великана. И воспламенилась, соприкоснувшись с кожей. Голубой огонь объял громадину.

Вийон теплым комочком устроился под сюртуком отступающего колдуна. Из маяка высыпали матросы. Абордажные сабли нацелились на крыльцо дома, в окна которого мерцало синее зарево.

– За Томаса! – крикнул Сынок. – За Гармонию!

Дверь распахнулась, и полыхающий рыбак выбрался на порог.

Он ревел, охлопывая себя пятерней, крюк в правой лапе рассекал воздух. Нэй спустил курок. Болт срикошетил от бобровых пластин. Затуманенный болью и яростью разум повел великана на речников.

Черные оробели, они рассчитывали схлестнуться с умирающим противником, но рыбак не торопился на тот свет.

– Ко мне, голубок! – Нэй отшвырнул арбалет и обнажил шпагу.

Гигант крутил непропорционально маленькой головой, губа, украшенная крючками, оттопырилась. Зубы в пасти были заточены камнем, намекая, что не одним лишь грабежом жил монстр.

Крюк нарисовал дугу.

Сынок отпрыгнул. Замешкавшийся матрос взвыл, схватившись за освежеванную кисть. Дождь гасил пламя. Шкура рыбака вздулась пузырями, накидка исходила дымком. Он топал ногами и бил, бил, бил крюком. Эмек подскочил сзади – рослый негр едва доставал темечком до подбородка великана. Сабля скользнула по широкой спине. Лезвие чиркнуло о броню, не причинив рыбаку вреда.

Рыбак сделал шаг назад и придавил Эмека своей тушей к кирпичам домишка. Он присел на корточки, вытянулся резко во весь рост. Бивни и ракушки разорвали эбонитовую кожу Эмека. Из вспоротой глотки хлынул алый поток. Матрос обмяк, ловя разодранным ртом капли дождя.

Сынок – обе разрозненные половинки физиономии соединились в гримасе ужаса – махал саблей, уклоняясь от страшного крюка. Нэй потянул за нить, формируя невидимый купол, и устремился к рыбаку.

Но и здесь дождь встал на сторону убийцы. Струйки воды, стекая по лицу и одежде, выдавали невидимку. Дюйма не хватило крюку, чтобы чмокнуть Нэя в висок. Колдун ку-

барем полетел по камням. Вийон воткнул коготки в грудь, предупреждая. Нэй перекатился. Крюк брызнул грязью рядом с головой.

Повторный удар пришил Нэя к земле.

Упущенные нити заклинаний бесполезно болтались.

Отсрочив гибель – надолго ли? – речники атаковали гиганта. Нэй покрутился в поисках шпаги, не найдя оружия, выхватил первый попавшийся пузырек и метнул под ноги великану. Серебристые искры были способны разогнать туман, но сейчас лишь населили тенями пустырь и стали прощальным салютом для коренастого негра: крюк проник в живот матроса, вытащил гирлянды фиолетовых кишок. Предсмертный хрип разнесся по поляне... захлопали крылья...

Нечто белое спикировало сверху. Оседлало лысину рыбака. Будто живая шапка, по которой великан заколотил свободным кулаком.

Птица – осенило Нэя.

Колдун поднялся, отплевываясь.

Рыбак сорвал быющуюся в агонии чайку и бросил на землю. Но вторая птица рухнула камнем с дождливых небес.

Нэй обернулся. У подножия маяка стояла Литя. Руки разведены крестом, веки сомкнуты. Ладная грудь вздымается и опадает.

«Давай, девочка!» – призвал Нэй.

Уже три чайки металась вокруг рыбака. Клевали, отлетали, чтобы вновь напасть. Нижняя губа убийцы отвисла, брен-

ча украшениями, в щеках образовались дыры. Кровь текла по накидке и фартуку. Крюк распорол подвернувшуюся чайку, впечатал в лужу. Мстя за смерть сородича, молодая птица спикировала на плечо великана и клюнула в глаз. Рыбак споткнулся, накрыл ладонью глазницу. Клюв растерзал левое веко и погрузился в зрачок. Как чешуйчатую добычу из лагуны, чайка вынула из глазницы болтающееся на пуповине нерва глазное яблоко.

Лита оскалилась и издала птичий крик, полный радости и злобы.

Ослепленный рыбак упал на колени.

Перья прилипли к запрокинутому лицу.

Он звал. Не бога, не дьявола – своего любовника звал, рыдая от бессилия.

Чайки упорхнули, забрав кусочки мяса, волокна мышц.

Крюк валялся в грязи. Рыбак загребал лапами, будто хотел обнять кого-то очень любимого.

Нэй подошел, остерегаясь этих длинных обезьяньих конечностей.

Стиснул в кулаке три арбалетных болта.

– Именем... – начал Нэй, но, передумав, облизал пересохшие губы и заключил: – Просто сдохни.

Пучок болтов втиснулся в пустую глазницу. Чавкнуло.

Рыбак рухнул лицом вниз, гоняя собственным весом конечники в умерший мозг. Одновременно зазвенело разбившееся стекло, и что-то тяжелое приземлилось у башни.

Хрустнуло костями, искореженным позвоночником.
Ффамп!

Лита выругалась витиевато. Возле косматого маяка лежал единственный обитатель острова. Связанный бечевой отшельник смотрел на рыбака не мигая. И черт бы побрал Нэя, если глаза зрителя не были полны любви.

* * *

На этот раз голем сумел подвести когг к атоллу. Кольца суши с гнойниками вулканов грелись в лучах полуденного солнца. Было тихо, лишь легкие волны шептались, омывая кораллы. Интенсивно-голубое небо накрыло праздничным куполом острова. Туман сгинул, части страшного плота либо опустились на дно, либо уплыли по течению. Лишь деревянный лев высовывал из воды косматую голову, провожая взором визитеров.

– Они здесь? – спросил Нэй.

Лита сдавленно буркнула и указала на промоины среди камней. Фигуры тут и там. Почившие капитаны, штурманы, матросы. Боцман с поеденным крабами лицом. Томас с полуоторванной челюстью, свисающей, как сломанное забрало шлема.

Призраки ждали.

Лита и Нэй шли по неровному всхолмью, по каменному хребту, возвышающемуся над зеленой от водорослей ме-

лю. Их вел Вийон. Ласка приноживалась, подметала хвостом оголившуюся породу.

Нэй чувствовал, что они близко, почти у цели.

И Лита чувствовала, не прибегая к колдовству. По тому, как заерзали в бочагах призраки, по мурашкам на спине.

Атолл заканчивался одиноким деревцем. Так показалось сперва, но, вскарабкавшись на камни, Лита поняла, что перед ними нечто рукотворное. Как плот рыбака, но созданное гораздо раньше.

Нечто древнее, оставленное людьми – или не людьми, – населявшими атолл давным-давно.

Из зигзагообразной щели в рифе рос четырехфутовый коралл, черный как ночь, черный, как раковина, которой он был увенчан словно короной. Огромная раковина – Лите не доводилось сталкиваться с подобным. В отверстие зев могла встать ее голова. Наружный слой покрывали шипы величиной с мизинец. Внутренний переливался и блестел. В раковине, как моллюск, гнездилась осязаемая живая тьма.

Лита инстинктивно прижалась к Нэю. Ощутила его напрягшиеся мускулы. Вийон тыкался в ухо колдуна, теребил мочку, шептал. Капитаны и матросы синхронно выпростили руки и указывали на черный... «Алтарь», – подумала Лита.

– Что это? – спросила она, с неприязнью рассматривая артефакт прошлого. Тишина стала пугающей. Штиль – зловещим.

– Духоловка, – ответил Нэй, механически поглаживая

Вийона по холке, – я читал в бестиарии Дардона и Гвиди. Ловушка для духов. Ее использовали, чтобы приручить или усмирить неупокоенные души.

– А для чего ее использовал рыбак?

– Возможно, – сказал Нэй, вытаскивая шпагу из ножен, – рыбак ничего не знал о раковине. Но именно она не давала его жертвам уйти с атолла. Привязывала к этому месту.

Зазевавшаяся Лита вздрогнула, заметив, что призраки подошли вплотную. Теперь они стояли вокруг. Землистые, осклизлые, разбухшие под водой. Истерзанная крюком плоть отворялась рытвинами. У некоторых были обглоданы кости. Иных жарили на костре.

– Уничтожь, – простонал Джорди Каллен. – Отпусти нас.

У него не было глаз, но изъеденное лицо выражало мольбу.

Лита перевела для Нэя с языка мертвых.

В искривленных каналах журчали ручьи.

Нэй ударил по кораллу сапогом, намереваясь скинуть его с обрыва. Шершавый ствол накренился. Жемчужина тьмы пульсировала в раковине.

А в пустых глазницах Джорди Каллена пульсировало предвкушение.

– Еще, – прошелестели мертвецы. Они льнули к живым, обдавая запахом разложения.

Лита отстранилась, не желая прикасаться к эфемерным силуэтам.

Нэй пнул опять. Коралл зашатался, готовый выпасть из гнезда, как гнилой зуб из десны.

Тьма окуливала духововку. Тьма гуляла по лицам капитанов и матросов. Они улыбались, демонстрируя черные резцы.

– Постой, – выдохнула Лита.

Нэй оглянулся, озадаченный, с занесенной над кораллом ногой.

Лита смотрела на ухмыляющегося алчно Джорди Каллена. Всматривалась в его глазницы, как в иллюминаторы. И узрела, будто мигом спала пелена.

Внутри вычищенных дыр бушевал шторм. Волны накатывали друг на друга, но это была не вода. Увиденная Литой Река состояла из черных и гладких угрей. Они ползали и копошились там, в преисподней черепной коробки. Миллиарды извивающихся рыб. Мрак был соткан из длинных тел. Он жаждал вылиться наружу, в наш мир, и пожрать все: лживый штиль, ясное небо, Реки и сушу.

Мрак использовал плененные души, чтобы убрать последнюю преграду на пути. Зло, прикованное к атоллу. Отравившее рыбака и зрителя абсолютное зло.

– Стой! – воскликнула Лита.

Она не почувствовала, как Нэй снял слезинку с ее щеки.

И тарашилась на Джорди Каллена, который больше не притворялся Джорди Калленом. Лица призраков оплыли и вытянулись, из распахнувшихся пастей лезли угри, точно

языки, лакающие воздух, облизывающие прозрачные рыбы зубы мертвецов.

— Еще одна ловушка, — проговорил Нэй, мрачней. Он понял, как близок был к пропасти. — Духоловка удерживала не только жертв кораблекрушений. Те, кто установил ее, стреножили демонов, царивших на рифах.

— И мы почти освободили их. — Лита дрожала.

— Если бы ты не догадалась... — Нэй не стал развивать мысль. Обхватив ладонями колючую раковину, он возвращал алтарь в горизонтальное положение. Призраки рычали и выли, когти полосовали пустоту. Угри вылезали изо ртов, разрывая связки, ломая челюсти, откидывая пустые головы мертвецов за спины, как капюшоны. Но духоловка не позволяла им причинить вред живым, и все, на что они были способны, — взывать к Лите, просить ее остаться с ними навсегда, стать новым рыбаком и удить рыбу; тут хороший клев, говорили они, хороший улов.

Они царапали камни и кричали вслед уходящим по склону людям:

— Выпустите нас, выпустите, выпустите!

* * *

Чтобы подсластить новость о смене курса, Нэй разрешил экипажу отдохнуть. Полная луна бороздила великую реку небес, освещала глиняного рулевого. Лита подлатала голема.

Команда когда сократилась до двух человек: Сынка и черного матроса с раненой рукой. Речники пили на камбузе ром, плескали под ноги тягучий напиток, чтобы он смочил доски – поминали ушедших. Сынок подливал Лите и не сводил с нее влюбленных глаз. Нэй не сомневался, что эта девица стоит за себя в компании мужчин.

Запершись, он медленно разделся.

«Каллен» шел на запад.

В голове Нэя хранилась карта, принесенная из храма Чре-ва Кита. Карта, которую дал ему мертвый, занявший тело Литы Уильям Близнец.

Когг шел к острову железных повозок, работающих от молний.

И Нэй не знал, кто из пассажиров судна вернется в Полис живым.

Настороженный Вийон наблюдал за хозяином. Ныли ссадины. Стихи из книги никак не усваивались.

Через час угрюмой борьбы с поэтическими строками в дверь постучали. Нэй потянул за нить прозрачности и увидел покачивающуюся Литу. Захмелевшую, вздернувшую носик, подбоченившуюся.

– Не прикидывайся спящим! – заголосила она. – Ты ведь наврал, да? Маринк не посылал тебя к северным рекам? Ты изначально планировал продлить маршрут?

Нэй молчал, и Лита, поколотив дверь ножкой, удалилась. Ему было горько оттого, что не он, не его фамильяр, а ка-

кая-то плебейка встала меж миром живых и вечно кипящей Рекой по ту сторону.

Гордость... чертова гордыня, на которую вечно указывал учитель.

– Ты должен моему отцу целый флот! – Голос Литы доносился из висящего на бимсе амулета. Раковину смотрителя Нэй забрал себе, а второй опрометчиво поделился с девицей. – Чтоб тебя кракены сожрали!

«Цыц!» – Нэй стрельнул пальцем в тут же заглохшую спираль.

Когг скрипел на волнах.

Нэй думал о тонкой стене меж мирами и о тьме снаружи всего.

Три нити сплелись воедино.

Подложив подушку под голову, Нэй глядел на появившуюся в углу тюльпу.

Созданная им девушка сидела смирно и безропотно улыбалась, а медовые волосы ниспадали на плечи и белую шею.

Такой – покладистой и покорной – Лита нравилась ему гораздо сильнее.

3. Гром и молнии

Нэй вошел без стука.

В каюте висел тяжелый запах. Тело девушки сражалось с болезнью, сражалось и проигрывало.

Лита слегла на пятый день пути к острову, расположение которого Нэй выведал у призрака Уильяма Близнеца. В полубморочном состоянии, охваченная жаром, Лита жаловалась на боль в груди. Кашляла – сухо, нехорошо.

Нэй смочил над тазом суконку водой из кувшина, присел рядом с койкой и обтер лицо и шею девушки. Красных пятен стало больше, особенно на шее, которую словно охватил широкий алый ошейник. Лита слабо поморщилась, дрогнули воспаленные веки. Она посмотрела на тряпицу.

– Платье мое испортил? – Облизала посиневшие губы. – Не прощу.

– Пить хочешь? – спросил Нэй.

– Пить... – прохрипела Лита. Резко, горячо. Нэй ощутил это лицом.

Он дал ей теплой воды с лимонным соком. Пока она пила, приподнявшись на локте, отказавшись от его помощи, Нэй смотрел на ее перепутанные, растрепанные волосы, затем на скачущие по переборке тени. Под подволоком раскачивались фонари. Вийон забрался на стол и настороженно наблюдал за больной.

В легких Литы поселилась скверна, и колдун был бессилен перед пожирающим девушку недугом. Магические нити тянулись к энергетическим эманациям человека, страху, отчаянию, боли, питались этими грубыми выделениями, гаввахом, но не могли проникнуть глубже, подлатать, исправить. Любое воздействие на человеческое тело было поверхностным: наложить печать молчания, отвести взгляд, сменить личину. Игра с воздухом, фата-морганами и отражениями внешнего мира.

– Это все она... – Литя уронила голову на мокрую подушку, – эта сучья духоловка на островах... накликала...

– Отдохни.

– Только этим и занимаюсь. – Она сипло рассмеялась, закашлялась. Вийон съежился: от этих сухих раскатов длинная шея ласки будто укорачивалась. – Что, не нравлюсь тебе... такой?

Нэй смочил и выжал суконку, скрутил валиком и приложил к горячему лбу Литы.

– Не боишься... подцепить проклятие мертвецов? – спросила она, ее взгляд затуманился.

– Нет никакого проклятия, – сказал Нэй.

Он вспомнил об Аэде Немед, придворном колдуне, лекаре и травнике. Перед мысленным взором возник широкий разрез рта Немед, усаженный звериными зубами, раздавленный нос и зеленовато-мшистая кожа. Аэд Немед пускал больным кровь, ставил банки, которые вызывали подкожные

кровотечения, боготворил пиявок... «Неужели все настолько плохо, – подумал Нэй, – что я готов поверить в силу кровопускания?» Нет, не готов. И не поверит, потому что видел, к чему приводит подобная «медицина». Зато не отрицал целебной силы природных лекарств – в этом Немед был искушен. Настои из трав, соцветий, меда, древесной коры...

Нэй прогнал зубастое зеленоватое лицо Немед. Даже сумей он связаться с травником, на судне не осталось ничего, кроме сухарей, гороха и лаймов. Ах да, еще гниющее дерево и водоросли.

– Холодно, – сказала Литя.

Нэй накрыл девушку третьим одеялом. Убрал таз и кувшин под койку, чтобы не катались по каюте во время качки. Не знал, что еще сделать, поэтому развернулся и отворил дверь. Вийон забрался на плечо колдуна.

– Как... – донеслось из-под одеял. Нэй замер. – Как ты стал... погонщиком кракенов?

Голос Литы дрожал.

– Хитрая рыба... мы хитрая рыба... плюх...

Похоже, девушка бредила.

Нэй обернулся. Верхняя половина влажного бледного лица, отечные скулы, грязные волосы – не волосы, а распущенный на швабру канат. Он отвел взгляд и наткнулся на свое отражение в крошечном зеркале комода, увеличил магическим взглядом. Смуглая сухая кожа, запущенная щетина, которая уже могла называться бородой. Он редко отпускал бо-

роду: она росла клочками, то ли из-за старых ран, то ли из-за крови неизвестного мужчины, которая смешалась с кровью матери Нэя и теперь текла по венам придворного колдуна.

Нэй вернулся к койке, снял с переборки речную раковину с узором темно-красной спирали и положил рядом с подушкой.

А потом вышел из каюты.

* * *

Еще одна беспокойная ночь, проведенная за секстантом и визитами в смердящую болезнью каюту девушки.

Холодное солнце медленно поднималось за тучами. Матросы возились с такелажем и рангоутом. Голем вел судно намеченным Нэем маршрутом. Когг жаловался на своем деревянном языке. Нэй поднялся на палубу и поднял зрительную трубу. Подчиняясь безмолвному приказу, Сынок вскарабкался в «воронье гнездо».

Нэй опустил трубу, прошелся до кормы судна и снова повернул к носу. Жевал кусок лайма, не чувствуя кислоты.

Прошел час.

– Земля! – донеслось из «вороньего гнезда».

По правому борту показался размытый силуэт острова, который они едва не проскочили.

Вдоль утесистых стен из воды поднимались высокие колонны, металлические, как показалось Нэю через окуляр

зрительной трубы. Столько металла! Они были слишком тонкие, чтобы служить маяками, но Нэй не сомневался: колонны смотрят, наблюдают. Или наблюдали. Не поэтому ли Союз Островов, в который входил Полис, ничего не знал об острове?

Скалы, куда ни глянь – одни скалы. Остров будто висел над Рекой на каменных ладонях. Первый взгляд на остров разочаровал Нэя. «Что тебя испугало, учитель? Скалы и исполинские мачты в коросте соли? Повозки на прирученных молниях?» Нэй усмехнулся: Уильям Близнец умер до первых опытов с электричеством, начало которым положило изобретение «шумной банки» (серебряные и цинковые пластины в солевом растворе).

– Ищем проход! – крикнул Нэй и повел «Каллен» к острову.

* * *

Сердитые волны разбивались о подводные скалы, образуя пенный пояс. Нэй не находил в этой бурлящей массе вход в залив. Заснеженный берег фьорда казался недоступным.

– Опасные места! – крикнул Сынок. Судя по голосу, матрос держался из последних сил.

Сынок и Ндиди, единственный из выживших черных матросов, хватались за обледеневшие снасти (что вовсе не облегчало жизнь команде, как и обледеневшая палуба и ран-

гоут), работая за пятерых. Путь вокруг скалистого острова и шквальный ветер вымотали поредевшую команду. Матросы заслужили щедрое вознаграждение – если, конечно, им суждено вернуться из северной воды в то место, которое они называли домом.

Волны сталкивались, клокотали, вздымались и низвергались вниз.

– Уж как водится, – вполголоса сказал Нэй.

Мысленными командами, отдаваемыми голему, Нэй вел когг вдоль грозных утесов, укрытых серой пеной, выискивая способ одолеть течение и ветер. «Каллена» несло на скалы. Ледяная вода катилась через палубу. Нэй кутался в меховую куртку – в пути их настигла зима. Лицо онемело от беспре-
станных порывов ветра.

Держась за зубчатое ограждение форкастля, Нэй наблюдал за ходом судна. Парус раздулся, как брюхо шар-рыбы. Налетевший шквал едва не положил «Каллен» на левый борт. Нэй откинул мокрый меховой капюшон и обратил лицо к черным кипящим тучам. «Творец Рек, удержи нас на волнах гнева своего».

Судно влекло на рифы. Нэй смотрел. Нэй ждал. Нэй бес-
словесно управлял големом, румпелем. «Каллен» попал в мощное отличное течение. Стал отдаляться от каменных
клыков, защищающих вход в бухту.

Тучи полили дождем, и капризный ветер переменялся, утих на четверть, еще на одну, и вскоре Нэй нашел безопас-

ный проход во фьорд. Если бы экипаж «Каллена» был более многочисленным и не измотанным до предела, Нэй услышал бы громогласное матросское «ура».

Снова пошел снег.

* * *

В глубине бухты ждала спокойная вода. Вдоль берега безымянного острова лежала узкая лента припая. Неподвижный речной лед примерз к отвесным скалам. У западной оконечности фьорда, в гранитной тени, стоял огромный корабль. До этого он был скрыт от экипажа «Каллена» рифами.

Нэй смотрел на корабль в зрительную трубу. Корабль ли это? Металлический гигант напоминал птичий череп, приплюснутый, с длинным клювом. Угловатые формы сбивали с толку. Остроконечная носовая часть расширялась к пирамидальной надстройке, над которой дыбилась конструкция из труб и антенн. За узким рядком прямоугольных иллюминаторов угадывалось помещение, откуда управляли этой стальной громадой. Палуба, от надстройки до кормы, – просторная площадка без леерного ограждения. И ни одной мачты, ни одной спасательной шлюпки. Шлюпки могли прятаться внутри угловатого корпуса; отсутствие мачт объяснить было труднее – разве что независимостью корабля от ветра. Нэй вспомнил, что сказал Уильям Близнец после возвращения с острова: «Они победили природу». Это говорил страх учи-

теля.

Нэй прикинул размер гиганта: футов пятьсот в длину, не меньше. Он не понимал, как столь необычный, будто перевернутый, корпус, который сужался над ватерлинией, мог держаться на воде.

По поверхностям корабля скользили снежные струи. Сквозь снег и корку льда проступали черные пятна. Копоть и гарь. Похоже, на корабле был пожар. Поэтому он брошен и кажется мертвым?

Нэй нацелил зрительную трубу на остров.

Заднюю часть залива окружал полукруг гранитных скал. Каменная масса казалась монолитной, делающей остров неприступным, но, когда «Каллен» подошел ближе, за гигантским безмачтовым кораблем открылась короткая пристань, похожая на оледенелый язык, вывалившийся из широкой расщелины в скалах.

В незнакомом фарватере «Каллен» двигался малым ходом, под зарифленными парусами. Бросая лот, Ндиди промерял глубины перед форштевнем.

Нэй повел судно к кромке припая – лед добрался до третьего ряда свай, на которых лежал причал; остальные сваи, те, что были на глубине, немного повело в сторону. Как и высокие металлические колонны – близнецы колонн, прорастающих из речного дна вдоль острова. Или этот наклон был заложен изначально? Расположение мачт повторяло изгиб фьорда, и оставалось только догадываться об их предна-

значении.

Под днищем когга захрустел свежий лед. «Каллен» пришвартовался к причалу.

* * *

Куда все подевалось? Блеск задорных глазищ? Припухлость искусанных губ? Щедрая полнота грудей?

Девушку затягивало в небытие, и это небытие не было пустым, его населяли мертвецы. Лита знала об этом, как никто другой, видела во сне и наяву.

Она перестала кашлять, затихла. Нэй посмотрел на платок: в коричневатой мокроте появились прожилки крови. Литу бил озноб. Вчера, проснувшись, она долго смотрела на него бессмысленным взглядом, узнала не сразу. А во время беседы потеряла сознание.

– Трудно... дышать... болит... – Она говорила прерывисто, тихо, с закрытыми глазами.

– Я найду лекарство, – сказал Нэй. – Скоро вернусь.

Она кивнула. А может, и нет: ее телом управляла артритная рука лихорадки.

Нэй вернулся в свою каюту. Сложил в парусиновый мешок скудные припасы, переговорную раковину, пузыри с магическими жидкостями, магазины к пистолету, перевязал бечевкой.

Ласка наблюдала за сборами. Нэй заглянул в черные бу-

синки глаз Вийона.

Она умирает, – сказал дух.

– Но еще не умерла, – ответил колдун. – Останься с ней. Сделай так, чтобы она дождалась моего возвращения. Отдай ей все, если понадобится.

Зверек моргнул.

– Ты сделаешь это?

Я останусь.

Нэй потрепал Вийона по загривку.

– Скажи честно. Остаешься, потому что не любишь снег?

Вийон не ответил.

* * *

Нэй поймал себя на том, что не хочет отвлекаться на мысли о Сынке, крутящемся у койки Литы, поэтому уход за больной поручил Ндиди. Косые мрачные взгляды Сынка утвердили в правильности принятого решения. Нэй передал черному матросу переговорную раковину Литы.

– При малейшей опасности уходите в открытую реку.

Ндиди кивнул. Правую кисть матроса, освежеванную безумным рыбаком у Косматого маяка, покрывала твердая корка, красная, в бесчисленных трещинах; не рука – обломок застывшей лавы.

Сынок стоял у спуска в трюм и смотрел на колдуна двумя лицами: правой половиной, угрюмой и неподвижной, и ле-

вой – вздернутой вверх, будто смеющейся.

Нэй почесал Вийона за ушами и опустил на мерзлые доски палубы. Зверек оставался его глазами и ушами на борту «Каллена»; а кулаками – голем (хотя Нэй сомневался, сможет ли управлять глиняным помощником на большом расстоянии).

Закинув на спину мешок, Нэй спустился по трапу на обледенелый причал. Шпага похлопывала по бедру. Пистолет он спрятал под куртку.

Обрывистые склоны расщелины заслонили звездное небо. Дорога между скалами вывела наверх, на голую заснеженную равнину. Ветер, почти незаметный у пристани, косо мел снег к краю скал.

Нэй пошел вперед, отворачиваясь от ветра. Следом за ним, освещая путь, тихо ползла льдистая луна.

* * *

Сквозь облака глядел мутный глаз солнца. Холмистая равнина дымилась снежной пылью. Поземка свистела по буграм, на завьюженном горизонте проступил темный лес.

Нэй прятал в капюшон исхлестанное лицо. Обошел невысокий холм, присел, отвернувшись от летящего снега, достал флягу с водой, растопил заклиниванием, медленно отпил. Затем слезящимися глазами вгляделся в сторону леса. Там, над высокими черными деревьями, поднялось и погасло тусклое

свечение. Громыхнуло.

Нэй продолжил путь.

Упал в снег, услышав далекий стук. Стреляли долго, без остановок, не из пистолета или револьвера. Грубое эхо разносилось между холмами. Стихло, остался лишь свист ветра. Нэй сел и с усилием снял правый сапог. Раскатал до колена сбившийся носок, затянул подвязки. Ступня заметно распухла от мороза.

Встал на колени, поднялся. Двинулся к лесу. Повсюду вихрился, мчался куда-то снег. Нэй старался не думать, что ждет его впереди. Путешествие к острову превратилось не в поиск ответов – в поиск спасения для Литы. Чуда, неведомого колдовства.

Он шел, глядя в стелющийся под ногами снег. Заметил белый холмик. Приблизился, догадываясь, что увидит. Изпод снега торчали ноги: пятнистые штаны, черные сапоги. Мертвец лежал навзничь, голову и тело замело, носы сапог смотрели в низкое серое небо. Ветер гудел в подступившем лесу.

Одеревенелыми руками Нэй раскопал мертвеца. Человек погиб от пулевых ран: вырванные из куртки клоки, перебитый ремень, расколотое лицо. Нэй попытался перевернуть убитого, но тот примерз кровью к земле. Колдун пошарил сапогом в снегу и наткнулся на странный мушкет с потертым прикладом и ствольной накладкой. Он видел похожий лишь однажды – проржавелый до дыр, безнадежный, а позже на-

шел ему имя – *автомат* – на страницах манускрипта, магический дубль которого снял в потопленном городе. Восстановленное огнестрельное оружие Прежнего мира было редкостью. Нэй проверил карманы мертвеца, нашел два изогнутых магазина и спрятал вместе с автоматом в мешок.

Спустя какое-то время наткнулся на еще один труп, тоже в пятнистой куртке и штанах, но без оружия. Мертвец лежал с раскинутыми руками, по которым проехало что-то тяжелое, раздробило, вдавило в красную землю. Снег заметал глубокую колею. Лицо мертвого бога – Уильям Близнец однажды, одурманенный винными парами, назвал жителей острова богами – было белым, маленьким, собранным вокруг тонкого, как лезвие, носа, на глаза налипли шляпки снежных грибов.

С другой стороны леса, который оказался плотной полосой деревьев, донесся захлебывающийся рокот. Пригибаясь, на полусогнутых ногах Нэй побежал между деревьями. Присел, когда увидел движение.

В низине за лесной полосой что-то искрило и дымило. Крытая металлическая повозка на больших колесах без спиц, чем-то похожая на таранную «черепашу». Боевой транспорт местных, понял Нэй. По гладкому боку «черепашки» сновали голубые змейки электричества. Из пробойны в крыше валил густой черный дым. С наветренной стороны успел нарасти небольшой сугроб.

Вдалеке раздавались звуки выстрелов, трескуче гремело. Нэй спустился в низину, обошел подбитую повозку слева,

не приближаясь, напряженно вглядываясь в метель. Он чувствовал себя беззащитным, открытым для невидимых глаз, но кокон невидимости на снежном ветру скорее привлёк бы внимание, чем спрятал.

На вершину дальнего холма выползла черная «черепаха» с башней, из которой торчал короткий ствол, расширяющийся на конце. Башню украшало изображение какой-то огненной птицы. Высыпали маленькие человеческие фигурки, побежали и скоро пропали за снегом. Из ствола «черепахи» выстрелила ярко-синяя с белой сердцевинкой молния, ударила в соседний холм. Нэй не мог разобрать, достигла ли молния какой-либо цели. «Черепаха» покатила в белых клубах, взвихренных большими колесами. Глаза Нэя неотступно следили за военной повозкой, пока та не скрылась из виду.

Нэй пошел в противоположную сторону. Он давно продрог до костей, но только сейчас пробудил кристалл, висевший на груди под одеждой, позволил магическому теплу разлиться по телу. Благодарно ускорила кровь, оттаяли ресницы. Нэй побежал огромными прыжками.

* * *

Сгустившуюся темноту перестали освещать вспышки inferno, адского пламени, смолк лязг металлических «черепах» и гулкий треск выстрелов. Утихла земля под ногами.

Сражение осталось позади.

Нэй брел на мутный огонек, проступивший в дыму поземки. Кристалл остыл, и колдун снова не чувствовал пальцев ног, которыми шевелил в сапогах. Закончилась вода, он натолкал во флягу снега и растопил. От голода урчало в животе.

Белая метель кутала приземистый длинный дом с плоской крышей, с которой летели в ночь подхваченные лунным светом хлопья снега.

Что делать, если в доме окажутся лишь мертвецы? Что, если он найдет живых, которые примут его за врага? (За кого еще они должны его принять?) Он убьет всех и пойдет дальше? Куда?

Его ждет Лита. Он должен договориться с богами, попросить о помощи. Те, кто преуспел в совершенствовании оружия, скорее всего, преуспели и в другом, например в медицине.

Нэй стиснул челюсти и пошел навстречу ветру, на свет одинокого окна. Ступал медленно. У ветра были звериные когти. Нэй прихватил кулаком меховой капюшон. Строеение надвинулось, укрыло его от царапающих порывов. В капюшоне клубился пар дыхания, в бороде колдуна тонко звенели льдинки.

Нэй остановился напротив крыльца. Распустил нить заклятия прозрачности. Лучше всего оно работало с дверями – четкие контуры, тонкие доски. Но сейчас... Нэй отпустил

нить – не знал, из какого материала сделана дверь.

Снег порошил узкий подоконник под прямоугольником холодного желтоватого света. В окне мелькнула серая тень. Морозный узор исказил очертания.

Нэй шагнул к двери, собираясь постучать, но его остановил голос Вийона. Тихий, размытый каким-то шумом. Нэй замер и, сжав виски, прислушался. Услышал в голове писк, несколько невнятных слов... Связь оборвалась.

Нэй потянулся к Вийону – и не нашел его.

Тогда он отступил от крыльца, обошел справа, присел и достал переговорную раковину. Зашептал в устье. Ндиди не отвечал. Оставалось надеяться, что виной тому метель и расстояние.

Чертыхаясь – цитируя Литу, – колдун поднялся на крыльцо. Он попросит помощи у здешних обитателей. Или возьмет то, что ему нужно, силой. И сразу вернется на когг. Вторая, текущая за чертогом жизни Река не унесет душу Литы. Не сегодня.

«Да ты прикипел к ней, старик!» Нэй изолировался от мысли без всякого колдовства. Не время анализировать свои чувства, пока рядом рокошет стальная и пороховая смерть.

Костяшки забарабанили о странное серое полотно. Нэй отступил, готовый при малейшей опасности натянуть нити. Пальцы плясали у кобуры. Дверь отворилась, оплескав желтизной цвета тех пахучих фруктов, что выращивал в теплице Юн Гай. Узкий световой клинок разрезал ступени. В прямо-

угольнике... Нэй изумленно моргнул.

В прямоугольнике стоял ребенок. Девочка лет десяти, облаченная в пятнистую форменную куртку. Рукава болтались ниже колен. Личико худое, сосредоточенное. Громовые раскаты взрывов, кровавые проталины в полях, железные машины, изрыгающие пламя и молнии... Остров отобрал у малышки детство, словно вынул глаза из глазниц и вставил другие, печальные, взрослые глаза. Надел, как куртку с чужого плеча, кольчугу горя.

Не прибегая к магии, Нэй ощущал черное, грозовое, витающее над девочкой облако.

– Не бойся меня, – сказал колдун, но рука осталась возле расстегнутой кобуры. Из дома доносились голоса мужчин.

* * *

Воздух опалял легкие, которые казались двумя разодранными обугленными мешочками под тонким каркасом ребер. Сиплое дыхание вырывалось из груди. Словно речной еж застрял в глотке, царапая слизистую колючками. Порой Лите чудилось, что она лежит в ванне, до краев наполненной кровью. Ни разу в жизни не принимавшая ванну – лишь мечтавшая о ней, как и всякая девица Кольца, – она чувствовала поверхность дна и изгибы бортов. Горячая, густая жижа почти смыкалась над запрокинутым лицом, щекотала ноздри, затекала в глазницы. За розовой пеленой перемещались мерт-

вые. Ловкие как обезьяны, они прыгали с бимса на бимс, ползали по подволоку крабами. Костлявые, в лохмотьях; их вытянутые узкие морды поворачивались, смущенные или, напротив, разъяренные; они шептали и причитали, и каждая адская макака в бледном свете фонарей, каждый мертвец здесь, в каюте, чего-то хотел от Литы, требовал, умолял, заклинал. Вместе с обжигающим кислородом хор призрачных голосов входил в легкие и оставался внутри, отчего грудная клетка набухала, а ребра выламывались...

«Это жар...» Лита сглотнула комок. Скосила глаза, чтобы убедиться: кто-то действительно залез под одеяла и ползет от изножья к ее голове. Горб двигался, натягивая сукно. Трогал парализованное тело холодными лапками.

«Нэй!»

Серебристая молния метнулась на живот, и горб просел под невесомой тушкой. Исчез из постели незримый гость. Вийон потоптался, нервно оглядывая углы. Точно видел то же самое: мертвецов с пылающими глазами, сущности на подволоке.

Хотелось вырваться из немошной плоти, как из тяжело-го плаща. Отринуть ее, убежать. Коготки ласки впивались в кожу. Не больно, отрезвляюще. Будто удерживали душу от трусливого побега.

– Я умру?

Вийон посмотрел черными зеркальцами глаз, и на миг Лита забыла о боли. В глазах духа мерцали созвездия. Такие

прекрасные, что дыхание перехватило. Зрительный контакт длился секунды. Реагируя на скрип петель, Вийон юркнул под одеяло, под мокрое от пота рубище, защекотал шерсткой ребра... и растворился.

Из мрака за изножьем койки вылепился Ндиди.

Полутьма скрадывала черты, превращая человека в черное изваяние. Мечущиеся отсветы встревоженно касались эбонитовой кожи и сразу отскакивали.

– Ндиди... – прошептала Лита. – Нэй вернулся?

– Нет, – печально ответил матрос. – «Каллен» захватили.

Простите, я не выполнил обещания.

– Захватили? Кто?

– Солдаты с лающими палками. Они пленили Сынка и идут сюда.

– Ты же...

Она намеревалась спросить, защитит ли ее Ндиди, но внешне осознала, что общается с матросом мысленно, не открывая рта.

Приглушенные крики донеслись из соседней каюты.

Лампа высветила могучую фигуру матроса. Его грудь была продырявлена пулями.

– О Ндиди... мне так жаль...

– На этой стороне, – сказал матрос, – тебя боятся.

И он исчез, как исчезают призраки, расползся туманом. Дверь распахнулась, в каюту ввалились тени, слишком громкие, чтобы быть мертвецами. Юноша в нахлобученном шле-

ме, обшитом нитями, заслонил кругозор. Он выкрикивал вопросы или приказы... Лита опустила невыносимо тяжелые веки. Чья-то ладонь легла на лоб, кто-то стащил одеяла, юноша произнес слово, напоминающее исковерканное «шприц». В вену ужалили. Лита уплывала от сутолоки и суетливых прикосновений. Плыла на поиски Георга Нэя. Вместо воды там была тьма, а во тьме роились мертвецы.

* * *

Девочка повернулась и ушла по коридору влево. Отпертая дверь... приглашение, которым колдун воспользовался. Затворив ее за собой, Нэй утер лоб и огляделся. Источником света были грибообразные сосуды под потолком. Стеклашки с раскаленными нитями, какими рисовал их Уильям Близнец. Стаканы электричества. Сложно было уразуметь, что народ, загнавший электрического демона в колбы, заставивший его озарять жилища, при всей своей мудрости продолжал истреблять друг друга.

Нэй выпростал пальцы к сосуду. Удивился, встретив тепло. Близнец называл лампы богов «холодным огнем», но на самом деле они согревали. Нэй понял давно: Близнец не обладал безграничными познаниями. Никто не обладал, кроме, возможно, тысячелетних черепах в илистых гротах или ветра, дующего в опустевшие человеческие черепа.

Нэй зашагал по гладкому, будто бы каучуковому, полу.

Голоса нарастали. Было в них что-то магическое... шорохли, укутывающий слова... особые искажения, какие возникают, если устанавливаешь связь через раковины.

В конце коридора Нэй обнаружил столовую. Похожую на столовые Полиса так же, как одеяние убитого солдата походило на платья герцогской стражи. Но здесь, среди странного света и странной мебели, по крайней мере был стол. На ножках, из дерева, обычный, а не какой-нибудь летающий в воздухе, сервирующий сам себя. За столом сидели дети. Девочка, впусившая Нэя. Мальчик-подросток – его щеку пересекал уродливый шрам, вместо правого глаза была рубцеватая лунка. На руках парнишка держал спеленутого младенца. Дитя спало и чмокало ротиком во сне, розовое и взопревшее, с нежным пушком волос. Подросток касался губами макушки ребенка, целовал, успокаивал. Старшие дети смотрели на гостя так, словно он позабыл отпустить нить кокона невидимости. Смотрели сквозь. Точно они пребывали в другом месте и другом времени. Гарри Придонный рассказывал о призраках катакомб, которые бредут мимо, не замечая вас, разыгрывая по кругу сценки из прошлого. Но дети не были призраками. Просто визит мужчины ничего не значил для них.

Мальчик баюкал ребенка. Девочка закатала рукава. В руках она держала два полированных блестящих шарика, вероятно игрушки, увенчанные кольцами. На задней стене столовой на огромном холсте возвышался написанный маслом

мужчина в форме. Бородатый, высокомерный, что-то кричащий безмолвно и потрясающий кулаком. Фоном служила алая птица, распростершая огненные крыла. Такая же птица украшала башню стреляющей повозки... и рукав военной куртки, в которую была облачена девочка. «Герб, – догадался Нэй. – Феникс. А бородач – лидер одной из враждующих армий». Выступая перед гражданами Полиса, Маринк делал такое же лицо. Лицо человека, искупавшегося во всех Реках одновременно, как говаривала мать Нэя.

Голоса трещали из серой коробочки, прикрученной к стене справа от портрета. Она работала по принципу спиралей или родственному принципу. Доносила слова тех, кто находился не здесь. Злые слова... Нэй улавливал общий смысл. Люди спорили на прежнем языке, пращуре родного Нэю языка. Глаголы «убить», «сжечь», «истребить» звучали одинаково в обоих.

– Где ваши родители? – спросил колдун, уводя кисть от кобуры. – Папа? Мама?

Если дети и собирались ответить, им помешал рев. Страшный гул, обрушившийся снаружи, распотрошивший ночную тишину. Мальчик возвел очи горе, прислушался, быстро посмотрел на девочку. Она кивнула серьезно. Младенец захныкал, проснувшись, и протянул ручки к застывшему Нэю.

– Что это? – спросил колдун.

Руки девочки дрожали, но в голосе звенели торжествен-

ные нотки. Нэй распознал слова «враг», «страна», «подвиг». Девочка встала, скрипнув стулом, уставилась на холст. Мальчик последовал ее примеру, притискивая плачущего младенца к груди. Девочка подняла руки, словно салютовала портрету, и нарисованный бородач приободрил ее волевым взором.

За стенами свистело и грохотало.

– Вам нужно...

Нэй осекся. Девочка засунула пальцы в колечки шаров и щелчками сорвала их. Мысль сверлом впилась в переносицу колдуна. Он закричал и отпрыгнул. Старшие дети оглянулись. Полоснули ликующими улыбками. Нэй выскочил в коридор, нырнул за простенок, и мгновение спустя взрыв осыпал пространство щепой и кровавыми клочьями. Пахло порохом.

«Не игрушки», – подумал Нэй, каменея. Это были бомбы. Он вышел из укрытия.

Гул нарастал, будто по равнине шествовал гигантский, до звезд, Рыбак, вращающий цепью в милю длиной. Но Нэй не обращал внимания, потрясенный. Он смотрел на то, что осталось от детей. На дымящуюся грудку расшвырянной плоти. На багровые пеленки. На орошенный мозгами портрет. Самодовольный ублюдок кричал немо, чтобы новые и новые дети приносили себя в жертву во имя его прихоти, а голоса из заляпанной кровью коробки гнусавили о мести.

Прежде чем уйти, Нэй хлестнул нитью, и печать молчания

вышибла из коробочки искры, заткнув карканье на допотопном языке.

Он служил Гармонии, Георг Нэй. Но в мире прирученного электричества гармония отсутствовала. Или хуже того: этот раздражающий душу свист, смрад горелого мяса, ухмылки самоубийц и были гармонией выморочного острова.

* * *

Пули забарабанили о стены, взвихрили сугробы. Стрелок засек колдуна. Лопнули оконные стекла. Нэй дернул нить и накрыл себя куполом, стал следами на белом, призраком, окутанным снежинками. Слишком заметной целью в метели.

Но стрекотня выстрелов прервалась. Нэй ринулся к деревьям, пропахивая ледяной занавес тьмы. Попытался слиться с увечным стволом.

Только теперь он увидел, *что* производило грохот. *Откуда* летели пули.

Дом огибала повозка, которую он не мог вообразить и в кошмаре. Гладкая черная металлическая акула двигалась на тонкой светящейся ноге. Прищурившись, Нэй понял, что это вовсе не нога, а луч мощного фонаря, шарящий по рощице. Повозка не ехала. Она летела! Из отверстия в округлом боку торчал дымящийся придаток – плюющая свинцом конечность. В оконце очерчивался силуэт кучера.

Учитель рассказывал о летающих машинах из прежних

эпох, он называл их «птицеферумы». Но, по заверениям Уильяма Близнеца, птицеферумы имели крылья, а у акулы крыльев не было. Над повозкой моталось колесо. «Абсурд», – подумал Нэй. Колесо яростно секло воздух, разбрасывало снежные массы. Брюхо железного чудовища украшала эмблема – ветвистый дуб.

«Акула» плыла над кровлей, поддерживаемая колесом. Луч елозил по деревьям, выискивая беглеца. Нэй стиснул пистолет. Ветер рвал волосы, стаскивал капюшон. Под «акулой» разлетался снег. Колесо вращалось на сумасшедшей скорости... Оно лишь казалось колесом. Спаренные весла, сливающиеся при движении в мерцающий круг, – вот что производило рев и помогало повозке висеть в небе.

Вспомнились истории Близнеца о полетах к звездам. О том, что однажды из очередного полета путешественники принесли заразу, истребившую человечество. На таких «акулах» странствовали надменные дураки, считавшие, что им позволено покидать Землю?

Луч шерстил голые кроны. Деревья отбрасывали кривые петлистые тени. Резко рухнув вниз, световое копьё ткнулось точно в Нэя. Он заслонился от сияния пятерней. «Акула» ревела победно. Предательская метель одевала невидимку в белый саван, превращала в мишень.

И Лита умрет на «Каллене», и никто не узнает, как закончил свои дни охотник на кракенов. Не воспет в легендах его последний бой.

Заскрежетав зубами, Нэй вскинул пистолет. Жест отчаяния: жалкое оружие не навредит повозке. И поздно думать про автомат в мешке – тоже слабую защиту от железного чудовища. Даже умей он им пользоваться.

«Творец Рек, – подумал Нэй, – я готов встретиться с тобой».

Но вместо Бога, сотворившего этот мир – жуткий, красивый, разный, – из подлеска, ломая тонкие сосенки, выползла железная «черепаха». Башня ворочала полым носом, примерялась, будто нюхала морозный воздух. Нарисованный феникс нахохлился, изготавившись к атаке.

Враги столкнулись на прогалине, моментально вычеркнув из памяти чужака. «Черепаха» харкнула огнем. Снаряд распотрошил угол здания, обуглил кирпич. Ствол вздернулся, фокусируясь на цели, но «акула» бочком отлетала, стрекоча смертельной конечностью. Пули взрыхляли снег около «черепахи». Бескрылый птицеферум пятился, словно крался по затвердевшему ветру.

Нэй опомнился и побежал стремглав. Перепрыгивал косяги, запускал нить перед собой, убеждаясь, что впереди не притаились солдаты. За спиной гроыхало. Бессмысленная, беспощадная бойня, дуэль чудовищ. Во имя Гармонии, мертвый кракен Элфи Насти казался понятнее и ближе сердцу, чем бездушные монструозы острова.

Будто подчеркивая мощь железных повозок, лес был хилым и редким, больным. Поземка оглаживала желтые чере-

па, попадающие на пути. Мерзлые трупы, костяные сокровища острова. Снежинки залетали мухами в пустые глазницы. Мертвецов не удостоили почестями – бросили, отступая, разоружили напоследок. Трупы гнездились в кореньях, подсматривали из сугробов. Эти, воевавшие всю сознательную жизнь, засунь их в кракена, воскресли бы и вновь бросились в бой: зубами, ногтями драть вражеские глотки.

Страшная хворь поедала остров.

В голове Нэя дети снова и снова озирались, обжигая сетчатку ухмылками, и выдергивали кольца.

Бах.

Колдун зажмурился.

Бах, бах, бах.

Нэй сел на снег, задыхаясь. Прислонился к корявой сосне. Где-то далеко вибрировало эхо взрывов. Мечталось применить к самому себе заклятие глухоты. Вылечить остров – кровопусканием, как любил Аэд Немед. Стереть каменистый клочок суши, отравляющий Реки своим присутствием.

Нэй потянул нить, устанавливая связь с фамильяром. Вийон откликнулся моментально. Он ждал, он звал хозяина.

«Как Лита?»

Жива. Они лечат ее.

«Они?»

Люди с огненными птицами на одежде. Забрались на корабль.

Вийон показал мужчин, прочесывающих палубу. Пять...

восемь... пятнадцать... не выходило сосчитать. Ндиди мертв. Он пытался остановить солдат, но был расстрелян и выброшен за борт. Сынка связали. Литу извлекли из постели. Юноша в шлеме на руках отнес ее к угловатой повозке с огромным кузовом позади крытых козел. Туда же пинками транспортировали Сынка.

«Где вы?» – спросил Нэй.

Перед внутренним взором поплыли скалы. Повозка шла по припорошенной снегом долине, втиснулась в ущелье. Хлопала ткань, драпирующая кузов. Солдаты переговаривались, поглядывали на пленников. Вийон наблюдал, спрятавшись в волосах Литы, помечал дорогу ментальными колышками.

Картинка зарябила, почернела, как закопченная бумага.
– Вийон!

Нэй перебирал нити, менял одну на другую. Крепость среди скал... неприступные стены... ворота, караульные вышки... армада «черепях»... стены из белого материала... человек в дымчатых очках... вопросы на старом языке.

– Я приду за вами, – сказал продрогший Нэй.

Связь пропала. Вийон исполнил приказ. Спасая Лите жизнь, дух слился с ней.

* * *

Это было словно глоток жидкого света. Сумрак рассеялся.

Девичье тело выгнулось и затрепетало. Расширились глаза. Спала вуаль морока. Похитители протыкали иглами вену, но свет влился ей прямо в сердце безболезненным уколом.

Лита поморгала и сфокусировала взгляд. Белые стены во круг. Запястья и лодыжки окольцованы металлом. Она вос седает на стуле с высокой спинкой. Испуганного Сынка куда-то увели.

Болезнь ретировалась от вспышки, забилась в уголки организма. Страх тоже сгинул. Что-то гуляло под кожей... Лита была уверена, это Вийон. Колдовство, о котором она не слышала. Ласка исчезла из темницы, но отдала Лите энергию. Напитала ее... умерев? Пожертвовав собой? Или процесс обратим, и, как только свет иссякнет, Вийон вернется?

Хотелось в это верить.

А пока Лита – сосуд, начиненный невидимым огнем, – сдула со лба прядь и огляделась.

В комнате она была не одна. Горбоносый мужчина в дымчатых очках, похожих на те, что носили глашатаи Маринка, изучал ее пристальным взглядом. За стеклянной стеной караулила вооруженная охрана.

– Ар слышан ан?

Лита решила продолжать притворяться слабой, больной. Она облизала губы.

– Где я? Что вам надо?

– Ар поник ан?

– Я не понимаю...

– О ари титул?

– Простите...

– Титул? – Мужчина ткнул пальцем ей в грудь. Затем извлек из-за ворота куртки цепочку с болтающимся медальоном. На железном ярлыке были вытравлены буквы речной азбуки, складывающиеся в слова «Генри Дж. Нокс».

– Нокс, – горбоносый хлопнул себя по груди.

– Мое имя? – осенило пленницу. – Лита, дочь Альпина.

– Лита? Лита? Дочь?

– Зачем вы связали меня? Зачем вы убили Ндиди?

– Порче ар? – Генри Дж. Нокс обвел жестом комнату. Показал на Литу. – Корабль. Порче? Дос арин Родина?

– Откуда я?

– Порче! – закивал Генри Дж. Нокс. – Откуда?

– Я из Кольца. Из Полиса.

– Полис? – Мужчина нахмурился. – Арин Родина титуле «Полис»? Ко остров?

– Остров... Из Союза Островов. Полис... Оазис... Герцог Маринк...

Генри Дж. Нокс ничего не слышал о милорде. Он вышел из поля зрения на минуту – Лита проверила браслеты на запястьях. Свет под кожей подсказывал: она сорвет их без особых усилий. Пока энергия Вийона кипит внутри. Мужчина возвратился с черным блестящим прямоугольником в руках. Вроде зеркала, но бракованного, потемневшего, покрывшего радужной пленкой.

– Скольни человек аб ари тич ар корабль?

Он спрашивал, сколько людей приплыло с Литой на когге.

– Нас было трое, – сказала Лита. Оттопырила три пальца. – Вы убили Ндиди.

– Тре? – Генри Дж. Нокс покачал головой. – Ен тре. Ен!

За дымчатыми стеклами сверкнули жестокие глаза.

Лита ахнула. Причудливое зеркало в руках мужчины изменилось. Схлынула чернота, теперь это было... будто вишащее в воздухе окно. Лаз в иной мир. Ошеломленная, Лита смотрела на прямоугольник. Картина тряслась. Казалось, Лита глядит вниз из шатающейся башни и видит дом и убегающего из дверей человека... Нэя!

Жабий сын! Она безошибочно узнала меховую куртку и косу, заплетенную на такотский манер. Нэй мчался к лесу, хотелось крикнуть ему: «Спасайся!» – но Лита не была уверена, что колдун услышит. Луч света шарил по снегу... сейчас он поймает Георга Нэя...

Нэй исчез. Применил заклятие кокона. Лита мысленно улыбнулась, а окно опять стало радужным зеркалом. Генри Дж. Нокс убрал волшебный прямоугольник.

– Моле ко? – строго спросил тюремщик.

– Я не...

– Ко арин друг? Отвечи моле ко копперфильд? Моле? Отвечи, тар я крысачи ари кишки.

Про кишки Лита поняла.

Часовой приблизился к амбразуре в южной стене постовой будки, расположенной справа от крепостных ворот, и выглянул в вечернюю мглу. Снег не сыпал, но часовой все равно не увидел ничего, кроме посеревших заснеженных скал и едва заметной дорожной колеи, что вела к ущелью. Зато что-то почувствовал у себя за спиной. Присутствие, взгляд.

Часовой вертанулся на каблуках, выискивая указательным пальцем спусковой крючок автомата, ощущая ватными ногами морозный холод, стелющийся в приоткрытую дверь... уже понимая, что увидит не напарника... а потом вздрогнул, ослеп, замер на секунду перед смертью.

Нэй вытащил клинок из проколотой насквозь шеи солдата, и часовой соскользнул со шпаги, будто марионетка, у которой обрезали нити.

– Именем Порядка, именем Гармонии, – произнес колдун над мертвым врагом, – за служение детоубийце.

Он вышел из будки, переступив через тело второго часового.

Он кипел ненавистью. К этому белому острову. К каждому человеку в военной форме с гербовым фениксом или деревом. Потому что теперь тоже видел призраков. Разорванных в ключья детей...

Нэй поднялся по склону к высокой белой стене, затянутой по верхнему краю железной колючкой. Двигался медленно, замирая, когда в его сторону поворачивалась труба с красным глазом. Он почему-то был уверен, что, если действовать неосмотрительно, труба заметит его и поднимет тревогу. Снегопад закончился, но кокон невидимости не давал ощущения защиты. У крепости было много глаз, и не только на караульных вышках и в дозорах (на подходе к форту он обошел патруль – у моста через замерзшую реку, на каменистых склонах которой крючились кедры и березы).

Нэй выждал, когда красный глаз отвернется, пробудил в ладонях заклинание цепкости и полез на стену. Чтобы найти на той стороне очередной ментальный колышек, оставленную Вийоном метку.

* * *

Он присел у колеса «черепахи», наблюдая за трехэтажным зданием. Построек на территории замкнутого укрепления было немного – вероятнее всего, основная часть рабочих помещений находилась под землей.

На дальней дорожке слышались приглушенные голоса, закрипел снег. Две фигуры прошли по краю площадки с боевыми повозками и свернули в направлении приземистых бараков. Голоса забрал ветер, фигуры скрыла темнота.

Нэй двинулся между рядами «черепах» и «акул» (у лета-

ющих повозок было по три-четыре спаренных весла). Перебежками миновал скопление угловатых повозок с тканевыми кузовами, на одной из которых увезли Литу и Сынка.

Он все ждал падающих с неба копий яркого света, криков, лязганья амуниции, выстрелов. Но опустившаяся на форт ночь хранила тревожное молчание: быть может, именно сейчас дежурные поднимают гарнизон по бесшумной тревоге, будят солдат... Не доверяя безмолвию, Нэй крался вперед.

В окнах темного силуэта здания царил непроглядный мрак. Только в трех горел неяркий свет. Он не колебался, как свечной, а равномерно заполнял обледенелые рамы. Надвинувшиеся с севера тучи закрыли белесую луну. Будто играли на стороне Нэя.

Здесь, с глухой торцевой стороны, на снегу не было следов, а на стенах – труб с красным глазом. Но внутри постройки вели оставленные духом метки.

Подготовка заняла больше времени, чем он рассчитывал, – путь к форту измотал колдуна. Когда луна снова показалась из-за быстрых туч, Нэй справился со сложным замком, открыл дверь и вошел внутрь.

Он вошел не один.

* * *

Помещение освещали длинные колбы, наполненные светящимся дымом.

Солдат у массивной железной двери, в окошке которой проглядывался длинный коридор, выглядел растерянным, выдернутым из глубины дремотной топи. Скрещенные на груди руки, клонящаяся голова.

– Руки вверх, – приказал Нэй.

Солдат отлип плечом от стены и неуверенно поднял руки. Совсем мальчишка, еще один ребенок войны. Во взгляде, устремленном на созданную Нэем мыслеформу, смешивались страх и смятение. Нэй вдавил ствол пистолета в скулу бородача, лидера армии «фениксов». Шагнул вперед вместе с тюльпой.

Щеки солдата побелели.

– Оружие. Положи на пол. Медленно. – Нэй показал пистолетом на автомат.

Солдат повиновался. Снова поднял руки.

Сотворение копии бородастого ублюдка с холста, которому салютовали дети перед тем, как превратиться в ошметки, опустошило Нэя. Сотни подвижных волокон, три колдовские нити, фантомная вязь. Лицо бородача покрывала корка черной крови, на правый глаз свисал лоскут сорванной со лба кожи, левый тускло, но пристально смотрел на солдата. Лидер «фениксов» хромал, Нэй поддерживал тюльпу за воротник мундира. Помня о немоте мыслеформ, он выбрал образ заложника. Из-за различия в языках он не решился сыграть роль переводчика при раненом бородаче.

– Открой дверь.

Солдат медленно повернулся, приложил что-то к странному замку, дверь пискнула и открылась.

– Мои друзья. Люди с корабля. Где они?

– Люди? – переспросил солдат.

– Красивая девушка и матрос с двумя лицами, – Нэй показал жестом.

– Девушка, – пробормотал солдат. – Больна.

– Веди меня к ней, – сказал колдун и впечатал дульный срез пистолета в щеку тюльпы. – Иначе твой бог умрет.

* * *

Солдат обманул его. Нэй понял это, едва толкнул дверь.

Помещение не походило на темницу или комнату для допросов. Это был просторный кабинет с окнами, задраенными серебристыми полосами, с ковровым диваном, шкафами и широким деревянным столом, за которым кто-то сидел. Мужчина пялился в прямоугольную рамку на тонкой, расширяющейся книзу ножке. От рамки исходило тусклое свечение. Пальцы горбоносого мужчины бегали по другому темному прямоугольнику, лежащему на столе и связанному с вертикальной рамкой черным шнуром.

Кабинет начальника, понял Нэй. Он мысленно нарек горбоносого комендантом форта. Может, молодой солдат не знал, где держат Литу, и потому привел его именно сюда? Что ж, ничего не изменить: комендант отвлекся на шум и

обратил к двери широкое лицо с короткими седыми бачками у висков.

Нэй оттеснил перепуганного солдата, который шлепал губами в попытках что-либо сказать, и перешагнул порог.

Горбоносый несколько раз моргнул. Затем его глаза округлились, словно он увидел призрака. Вид окровавленного бессильного лидера, к лицу которого был приставлен пистолет незнакомца, шокировал коменданта. Рука соскользнула со стола, смахнув на ковер дымчатые очки.

– Сэр, ки надна девушка, – выдавил из себя солдат. – Ко, он корабль.

Нэй кивнул, уловив смысл. Он не отрывал взгляда от коменданта.

Горбоносый поднялся и нетвердой походкой, но с достоинством вышел из-за стола. Левую руку он держал за спиной. Его дыхание отдавало спиртом даже с такого расстояния. Нэй заметил на столе ополовиненную квадратную бутылку.

– Стой, – приказал Нэй.

Комендант остановился. Половину стены за столом занимал знакомый портрет бородатого лидера: та же гневная поза, вздернутый вверх кулак.

Колдун прикидывал варианты. Приказать привести Литу сюда? Или проследовать до того места, где ее держат? Он склонялся к первому: пускай горбоносый воспользуется одной из говорящих коробочек.

Но тут комендант рассмеялся.

– Ко нетой фокус, енк? Голограмма? Тар грим?

Нэй озадаченно пытался понять.

– Маршал Сандерс мертвишь дуос годус минул. Подох лан паршива собака. Вос кому надна мертвишь вождь, енк? – Горбоносый утробно хохотнул. – Мертвишь вождь хорошень живишь, много хорошень. Мертвишь скажет, то ари надно. Ар ен поник ан, енк, крыса?

Нэй мельком глянул на солдата: слова начальника шокировали парня.

Взгляд коменданта, затуманенный крепкими напитками, сместился на солдата.

– Рядовой, призываю еноружич ко шпиона!

Нэй лихорадочно соображал, что делать дальше. Кажется, все вышло из-под контроля. План провалился.

Он начал поворачиваться в сторону двери, и тогда горбоносый выдернул руку из-за спины и выстрелил.

Пуля прошила тюльпу, оцарапала плечо Нэя и ударила в грудь солдата. Тот упал ничком.

Пистолет Нэя сухо шелкнул два раза. Выстрелы отозвались эхом в лабиринте коридоров.

Раскинув руки, горбоносый повалился на стол и сделался мертвишь, как его вождь. Рамка треснула. Бутылка покати-лась по ковру, истекая остатками темной жидкости.

Мыслеформа лидера «фениксов» растаяла в воздухе.

Нэй выглянул в коридор – никого, пока никого, – и за-

крыл дверь. Прошел к телу коменданта, подхватил его пистолет, из рукоятки которого торчал длинный магазин, расстегнул куртку и сунул за пояс. Осмотрелся. По руке бежала горячая струйка крови.

От ребристых тонких пластин под подоконниками накачивали волны тепла. Внимание Нэя привлек высокий стальной шкаф в углу кабинета. Дверца была приоткрыта – комендант не ждал гостей. По толщине двери и крепости замков Нэй понял, что это ящик для ценностей.

Колдун заглянул в шкаф.

Внутри были свалены картонные папки, перевязанные красной тесьмой. На единственной верхней полке стояли книга в кожаном переплете, небольшая картонная коробка и бутылка, точно такая же сейчас валялась на ковре; в глубине виднелась шарообразная колба толстого стекла. Нэй просунул лезвие шпаги в кольцо, впаянное в колбу, поднял, и сосуд сполз по лезвию в подставленную руку.

Нэй поднял находку к лицу.

«Связано ли это с полетами к далеким звездам, смертельно заразившими прежнее человечество?»

В колбе был темный камень необычной квадратной формы, не похожий на речной. Большая часть поверхности – оплавлена, покрыта тонкой глазурью. Вмятины, напоминающие отпечатки пальцев. Никаких вкраплений и пузырьков.

Неужели перед ним обломок небесного камня, о котором рассказывал учитель?

Нэй сунул колбу с камнем в мешок, подумал и прибавил к ней тетрадь в кожаном переплете. Проверил картонную упаковку – пистолетные патроны, отправил следом.

Потом приблизился к мертвому коменданту, присел на корточки, коснулся холодного глазного яблока, поднес палец ко рту и облизал.

И увидел комнату, в которой комендант допрашивал Литу.

* * *

Из глубины бокового коридора чуть слышно долетел хлопок пистолетного выстрела. Затем – звук падающего тела. Шаги.

Нэй ждал, не отрываясь целился в проход. Через минуту в изумлении опустил пистолет: в дальнем конце коридора появилась Лита.

Девушка шла, покачиваясь и глядя на свои руки, будто те совершили что-то недоступное ее пониманию. Но сама Лита была цела и могла идти без посторонней помощи; с лица исчезли красные пятна. Чистая голубая рубаша висла на истощавшем теле и похрустывала при ходьбе. Нэй испытал прилив теплых чувств. Признательность Вийону, исполнившему его волю, и что-то еще... в чем не было времени копаться.

Лита увидела Нэя и опустила руки.

– Георг, я... – Она заплакала.

Только сейчас Нэй обратил внимание на браслеты, обхватившие запястья девушки. Кандалы, понял колдун, увидев обрывки тонкой цепи. Он не думал об этом дольше, чем требовалось, – подбежал к Лите, схватил за руку и потащил за собой по залитым электрическим светом коридорам. В затылок колола неясная мысль... возможно, просто головная боль.

Воспользовавшись пластинкой из белого гибкого стекла, взятой у застреленного комендантом молодого солдата, Нэй открыл очередную дверь между коридорами.

– Сынок! – выдохнула запыхавшаяся Лита.

Вот что он упустил.

К тому же заплутал – коридор свернул и вывел прямым к стеклянной стене.

Нэй увидел военных за столом. Люди в мундирах сидели длинным рядом, напротив них располагались люди в одеждах, которые отличались от форменных. Приталенные однобортные кафтаны, узкие черные шейные платки, длинный конец которых лежал поверх белых рубашек, словно бескровные раны в наполненных тьмой телах. Зализанные назад волосы, властные хмурые лица. Мужчины в кафтанах были чем-то сильно недовольны, возможно, воинскими делами или ожиданием кого-то. Место во главе стола пустовало.

Из комнаты не доносилось ни звука, хотя Нэй видел, как шевелятся губы говорящих. Значит, люди за столом не слышали выстрелов в коридоре. И пока не заметили двух дика-

рей, собирающихся сбежать из крепости, но Нэй вдруг понял, что войдет в прозрачную дверь.

Седовласый боров в расстегнутом на огромном животе кафтане что-то яростно говорил. На виске билась фиолетовая жилка. Крепко стиснутый кулак ударил по столу.

Нэй толкнул Литу в нишу в стене. Под потолком тихо и монотонно гудело – шум исходил от всасывающей воздух решетки.

– Не высовывайся, – сказал одними губами Нэй.

Да, он войдет в комнату, чтобы люди за длинным столом увидели призраков мертвых детей в его глазах. Увидели, перед тем как упасть на дно, в смрадную пасть Речной Змеи.

Его заметили. Военный с обвязанной головой обратил к стеклянной стене лицо, растерянное, еще непонимающее, хлопнул ртом. Боров тоже увидел Нэя и начал грузно вставать, всходить над столешницей.

Колдун толкнул дверь и с порога разрядил пистолет в голову борова. Из затылка мужчины вылетела стая красных пчел. Отечественное лицо исчезло.

Нэй сунул пистолет в кобуру, другой рукой уже сжимая рукоять пистолета коменданта. Направил ствол на ряд военных и вдавил спуск.

Пули вылетали очередями, пистолет сильно вело, но целей было много – свинец жалил, жалил, жалил. Кто-то осел с долгим хрипящим вздохом. Кто-то рухнул на стол, приложившись лбом, будто в фанатичной молитве. Люди в каф-

танах и мундирах падали, некоторые поднимались и падали снова.

Нэй видел, как один военный достает пистолет, а из разорванного уха у него льется кровь. Он выстрелил, и военный кувыркнулся назад. На глазах у Нэя другой раненый полз по столу, а потом умер. Кое-кто пытался вырваться из комнаты через дверь в ее дальнем конце, но та оказалась заперта. Нэй стрелял в спины. Кое-кто впал в ступор и продолжал сидеть, пялясь выпученными глазами на убийцу в меховой куртке.

Магазин быстро опустел. Нэй отбросил пистолет и выхватил из ножен шпагу.

На него бросился военный с белым слепым глазом. Ударом шпаги Нэй пронзил ему грудь. Противник отступил и, казалось, готов был упасть – но нет, размахнулся и швырнул в Нэя коротким ножом. Нэй увернулся и рубанул снизу вверх. Достал острием следующего. В глубине комнаты хлопнул выстрел. Кто-то вскрикнул. Нэй опережал собственную смерть – в дыму подскочил к стрелявшему и горизонтальным ударом снес тому голову. Им овладела ярость схватки.

Когда все закончилось, глаза щипало от порохового дыма. Нэй почти ничего не видел в этой серой пелене. В воздухе пахло бойней. Эхо выстрелов продолжало стучать в ушах. Не успело оно затихнуть, как с потолка грянул противный буравящий звук.

Так воют голодные сирены.

Нэй вложил шпагу в ножны, перезарядил пистолет, выскочил в коридор, схватил вжавшуюся в стену Литу. Она вскрикнула, открыв глаза, и они побежали.

* * *

– Сдавайчи, – сказали из смежного коридора.

Показалась голова в берете, лицо, пересеченное бугристым шрамом.

Нэй прицелился. Выстрел сотряс застоявшийся воздух. Лицо дернулось, взорвалось кровавыми брызгами, и солдат упал на пол.

Нэй перешагнул через тело, обернулся, присел рядом и стянул с мертвеца высокие ботинки. Кинул Лите:

– Надевай, – и стал снимать с трупа куртку.

На улице снова властвовал белый вихрь. Ноги скользили по крыльцу. Ветер пихал в грудь, ледяными иглами колол лицо и шею.

Они двинулись вдоль стены.

– Ты ведь придумал запасной план? – спросила Лита. – Придумал, как нас спасти?

Нэй свернул за угол и задрал голову.

– Все уже было придумано, – сказал он, перекрикивая ветер. – Война. Я лишь оставил метку.

В небе над фортом мерцал поруганный символ: тлеющее ветвистое дерево, на которое гадила огненная птица.

На мысль сравнить две враждующие армии Нэя натолкнула стычка «акул» и «черепахи» у домика возле леса, когда про него забыли в пылу сражения.

«Сработает ли?» – подумал колдун, глядя на сотворенный небесный знак.

– Где Сынок? – крикнул он.

– Его увели в другое место... не знаю... – Лита замотала головой. Вдруг схватила его за рукав, взглянула пронзительно: – Мы ведь не уйдем без него?

От яркой вспышки у Нэя едва не лопнули глаза. Тугой жаркий звон ударил в голову, рот наполнился кислой слюной. Бомба пробила крышу приземистого строения, взрыв раскидал стены. «Порох на такое не способен». Лита стояла к разрыву спиной, и Нэй на секунду прижал ее к себе. Защищал от последствий плевок порхнувшего в ночи птицеферума.

Шум поднял на ноги всю крепость. В окнах загорался свет. Защитники форта выкатывали пушки. Оружейные стволы изрыгали пламя.

С неба падали бомбы.

Раненные осколками стонали, корчились в снегу, ползли мимо мертвецов. На месте барака пылал огромный костер.

«Смерть не дальше чем снег перед твоим лицом», – всплыло в памяти. Колдун не помнил, кому принадлежали эти слова. Близнецу? Матери?

Он присел от разрыва. Повсюду были пламя и дым. На

площадке перед трехэтажным зданием заворочались «черепахи». Конец ствола одной из повозок сверкнул огнем.

Крыши барачных полыхали. На снег сыпались искры. Огнеты пожаров отражались в стеклах кружащих над крепостью «акул». На шесте трепетал флаг – крылья феникса хлопали на ветру.

Нэй перекинул Литу через плечо и окружил себя коконом невидимости. Силы таяли, но вокруг было столько страданий и страха – колдун тянул в себя эти энергетические потоки, кровопускание наоборот.

Мимо пробежал солдат... и вдруг упал. Остался лежать. Дальше, в красном снегу, барахтался безногий, из культей хлестала кровь. Некоторые солдаты неслись к разрушенным воротам.

Нэй пытался предугадать как можно больше событий: следил, оценивал опасность, тянулся нитями в десятки точек.

«Где же Сын? В одном из казематов?»

В груди зрело зерно паники.

«Стоит ли рисковать?»

– Смотри! – Лита хлопнула его по плечу. Нэй проследил за ее пальцем. Из приземистой блочной постройки двое солдат вывели тощего мужчину в длинном пальто. Его лицо опухло от побоев, глаза превратились в щелочки. На рукаве пальто Нэй разглядел нашивку с дубом. Пленник сцепил руки на затылке, конвоиры подгоняли автоматами.

Нэй поставил Литу на землю. Воздух нагрелся и вибри-

ровал от частых взрывов. Смердело смертью, птицеферумы осыпали гремучими яйцами крепость, из яиц вылуплялись огненные птенцы. Безногий воин обмяк на тающем снегу.

– Может, тюрьма там? Откуда вывели пленника?

Нэй кивнул, сосредоточенный. Повертелся, указал на пустую будку.

– Спрячься за нее. Я вернусь через минуту.

– Вытащи Сынка, – попросила Лита, заглянув Нэю в глаза. – Никто не должен оставаться здесь.

Конвоиры не заперли толстую металлическую дверь. Подергивая нить, Нэй вбежал в куб из серых блоков. Лампы освещали крутой спуск, и колдун пошел по ступенькам вниз. Он часто сходил в склепы и подземелья, но никогда прежде не ощущал такого омерзения. Люди Феникса и люди Дуба попрали Гармонию, их поступки были бессмысленны, их действия множили хаос, и Нэй лишь надеялся, что пауки сожрут друг друга в банке и не отравят мир своим ядом.

Ступеньки стекли в узкий коридор с дверями по бокам. Догадка Литы оказалась верна. Единственный страж – мальчик в мешковатой форме – напряженно вглядывался в лестницу. Автомат уставился в пол черным зрачком.

Нэй приблизился почти вплотную и отпустил нить.

Ошарашенный солдатик ойкнул. Нэй навел ствол ему в переносицу. Жестом вынудил разоружиться.

– Ключ. Быстро.

Мальчик энергично закивал. Прямоугольник гибкого

стекла, теперь ярко-красного цвета, выпал из дрожащих пальцев. Колдун наклонился за ним, а солдатик отпрыгнул вглубь коридора, выхватил короткий нож и приставил к своему горлу. Он каркал что-то воинственное, выхаркивал усвоенные с пленок лозунги.

– Хватит, – прорычал Нэй. – Прекратите умирать. Достаточно.

Мальчик сглотнул и нерешительно потыкал себя лезвием в шею.

– Живи, – сказал Нэй, подбирая ключ. – Уходи отсюда и живи.

Мальчик, кажется, понял. Обронил нож и расплакался. Колдун прошел по коридору, заглядывая в застекленные оконца на дверях. Из десятка камер только в трех сидели пленники, и только один – с половинчатой физиономией – был нужен Нэю. Замок послушно щелкнул. Сынок узнал колдуна, и обе половины лица просветлели.

– Вы не бросили меня!

– Поторапливайся.

Мальчик хныкал в углу, а Нэй и спасенный им матрос вскарабкались по лестнице – в дым и вонь абсурдной войны. Подскочившая Лита расцеловала Сынка – и, похоже, ради этого он бы еще раз побыл арестантом.

– Выбираемся. – Нэй завязал нить узлом, накрывая себя и спутников коконом. – И пусть кракены пожрут это адское место.

Часть крепостной стены лежала в руинах. Силы противников были неравными, и бой подходил к завершению. Птицеферумы разбомбили форт, но Нэй подозревал, что победа не принесет триумфаторам счастья. Возможно, уничтожив последнего врага, они разделятся на два лагеря, дабы продолжить бойню. Это все, что они умели. И все, ради чего существовали.

Беглецы пересекли мост, когда серия взрывов превратила крепость в огненное гнездо. Изрешеченные пулями солдаты посмертно обнялись на мерзлой земле. Лита споткнулась и едва не сверзилась в ров, Нэй удержал ее, присмотрелся к расширившимся зрачкам. Радужки Литы искрились, будто грани бриллиантов.

– Вийон, – прошептала девушка. – Он исчез и наполнил меня силой.

– Он в тебе, – сказал Нэй, – внутри. Но скоро он выйдет, и болезнь вернется.

Лита вынула из кармана голубой рубахи бутылочку с прозрачной жидкостью и крошечный шприц.

– Я забрала это из белой комнаты, прежде чем убила охранника. – Лита взглянула удивленно на свои руки. Глаза затуманивались, а золотой отблеск гас. – Они кололи мне это в вену. Думаю, это лекарство.

– Хорошо. – Нэй снова закинул Литу себе на плечи.

– Сурок оживет? – тихо спросила она.

– Если нет, ты будешь моим сурком.

Лита улыбнулась – Нэй основанием шеи ощутил шевеление ее губ.

На рассвете, после трех вынужденных остановок в расщелинах, они вышли к каменистому берегу. «Каллен» ждал как верный пес, и отнюдь не сентиментальному Нэю захотелось целовать его мачты. Люди перерождались в церкви Чрева Кита, а Георг Нэй переродился на острове железных повозок. Его рюкзак был тяжел от колбы с оплавленным камнем, а сердце – от предсмертных улыбок детей.

Нэй опустил Литу на палубу. Когг потряхивало. Река вспучивалась, как жидкость в реторте Юна Гая, и снежные массы разбивались о гигантский металлический корабль.

– Сэр, – опешил Сынок, – вы это видите?

– Да, – процедил Нэй.

Полукружие бухты становилось на глазах вместилищем пробудившихся и беснующихся свинцовых драконов – это волны вздыбливались и в припадке ярости грохались о гранитные утесы.

– Капитан!

– Капитан? – переспросил Сынок.

– Позвольте поздравить вас с этим назначением. – Нэй приложил ладонь к груди и поклонился слегка. – Выводите когг, и о вашем подвиге завтра защебечут горничные Полиса.

Сынок растерянно и недоверчиво улыбнулся. Вода перелестывала через борт, волны-драконы шли на abordаж. Сы-

нок опомнился, бросился к снастям. Нэй дернул нить, и голем присоединился к новоиспеченному капитану.

А слева по борту река разинула прожорливую пасть.

* * *

«Каллен» плохо слушался руля. Течение выигрывало. Когг шел всего в каких-то ста футах от внешней границы водоворота – его тянуло в ловушку кругового движения.

Нэй сохранял спокойствие. Голем налегал на румпель. Минута, еще одна, и еще, крошечные бесконечности, в которых судно боролось с ветром и центробежной силой, – и вот «Каллен» сделал крутой полуоборот и заскользил по волнам, покидая бухту, уже не увлекаемый водоворотом.

– Ура! – закричал Сынок.

Скрипели блоки, по которым бежали белые, выгоревшие на солнце тросы. Хлопал на ветру парус. Риф полностью укрыл когг от губительного течения.

На лбу Нэя выступил легкий пот. Он осознал опасность, которая только что миновала.

Быстрое течение едва не сцапало судно, чтобы все быстрее тащить его к глотке огромного водоворота большими кругами, которые делались бы теснее – и так до губительного центра, где «Каллен» переломало бы на куски. Изогнутая линия берега, ветер и волны будили в заливе страшное явление, настоящее проклятие судов. Но стражи острова не хоте-

ли полагаться лишь на случай – водоворот создавали волны, вызванные специальным ветром, – и построили металлические колонны, которые воздействовали на течение у выхода из фьорда. Посадили водоворот на цепь. Нэй не понимал, как это работает, но был уверен, что его догадки близки к истине.

Так почему бежал отсюда Уильям Близнец? Кажется, Нэй знал ответ. На безымянной земле жили боги, и у них была своя магия. Что они могли дать дикарям-пришельцам? Только гром и молнии, только смерть. Боги не хотели отвечать за этот мир, они спрятались от него за Рекой, отгородились орудиями и мачтами, способными пробуждать водовороты. Боги занимались своим привычным делом – войной. И, видит Творец Рек, это были боги жалкие и трусливые. И поэтому особенно опасные.

Быть может, учитель верил, что после смерти окажется среди этих богов, станет одним из них? Или заразился безумием от осколка небесного камня, которому поклонялись боги? Что видел Близнец? Как далеко зашел? Успел ли рассмотреть пропасть между двумя мирами? Если шагать навстречу – рухнешь вниз.

Нэй похлопал Сынка по плечу.

– Сэр. – Сынок потупился, правая половина лица усмехалась алчно, а левая преисполнилась стыда. – Девчонки любят капитанов, не так ли?

– Не сомневайся, – сказал Нэй. – Ты устанешь от их люб-

ви.

– О нет, сэр, – заулыбался Сынок обеими половинами. – О нет, я так не думаю.

Остров железных повозок таял в предутренней дымке. Придворный колдун Титус Месмер знал множество способов покопаться в человеческих мозгах. Переиначить воспоминания. Нэй и Лита унесут с собой частичку мира, где Гармония растоптана сапогами, но Сынку вовсе не обязательно помнить о случившемся, а его пассиям и собутыльникам не обязательно слушать о стальных черепахах, птицеферумах и сосудах с мертвым огнем. Месмер сделает так, чтобы солдаты феникса обратились в пиратов, а летающие повозки – в гигантских летучих мышей. И пусть в воспоминаниях своих Сынок убьет множество разбойников и множество кровососущих монстров: портовым девам нравятся такие истории.

А крепость феникса... да станет она прахом.

Лита спала на койке, под покачивающимся фонарем. Глазные яблоки ворочались за спянными веками. Может быть, ей снились призраки. Здоровяк Томас и капитан Каллен, матросы Эмек и Ндиди, и тот, третий, убитый рыбаком, чьего имени Нэй не запомнил.

На одной чаше весов лежала жизнь взбалмошной девчонки, плебейки Кольца. На другой – артефакт, возможно заключавший в себе ответы на основные вопросы мироздания. Вещь, поделившая мир на до и после Реки. Но, поражая колдуна до глубины души, вторая чаша умозрительных весов

никак не перевешивала жалкую каплю на первой чаше.

Нэй погладил спящую Литу по щеке.

– Вийон? Друг мой...

Что-то толкнуло изнутри голубую рубаху, что-то, свернувшееся за шиворотом. Нэй осмотрел встревоженное личико Литы, расстегнул верхние пуговицы. Вийон лежал на девичьей груди, и он был меньше, чем в тот день, когда Уильям Близнец посвятил Георга Нэя в придворные колдуны и из тигля вышел на свет фамильяр. Нэй вспомнил, что мечтал о волке. Дух в обличье волка-альбиноса сопровождал Клетуса Мотли. На худой конец, это могла быть рептилия, как у учителя, змея. Он разочаровался, увидев в тигле ласку... Глупец!

Вийон, отдавший свою силу Лите, помещался на ладони. Его глаза были закрыты, нос сух, лапки не шевелились и хвост вяло свисал вдоль предплечья Нэя. Потребуется немало дней, чтобы дух оклемался. Нэй поднес фамильяра к губам и легонько подул на его шерстку. Веко, опушенное белыми ресничками, едва заметно дрогнуло.

Уильям Близнец говорил, что привязанность – к человеку ли, к зверю или к духу – ослабляет колдуна, истончает броню, делает уязвимым. Нэй подумал об Алексис, единственной девушке, растопившей его сердце. Или не его... То горячее сердце носил в грудной клетке юноша, которого больше не существовало, которого Уильям Близнец уничтожил, а Нэй забыл. И неужели сейчас, спустя столько лет, Нэй Пер-

вый, прото-Нэй возвращался?

Колдун посмотрел на спящую Литу, на ее расстегнутую рубашку и ребра, вырисовывающиеся под кожей.

Вийон попытался оторвать голову от ладони, но снова обмяк.

– Спи, друг мой, – сказал Нэй, опуская ласку на смятые простыни. Запахнул рубаху Литы, закатал ее рукав и ввел в вену раствор из бутылочки.

Когг имени мертвого капитана шел на восток, управляемый големом. Магический ветер надувал паруса.

Гармония, которой Нэй служил, была хрупкой – слабее девочки из Кольца. И Нэй охранял ее. Положил голову на грудь спящей Литы и охранял Гармонию в долгой дороге домой.

4. Глупая рыба

Слуги – бледнее мертвецов, будто никогда не покидали катакомб под башнями, – выволакивали в коридор мешки со скарбом, а дородный мужчина размахивал до смешного крошечными руками и голосил, срываясь на визг:

– Аккуратнее, отродье! Эти книги дороже всего вашего дьявольского народа, вместе взятого! Эти соки добыты из корней дерева, убившего жителей целого государства и в одиночестве правящего на острове!

Слуги кланялись как механические канарейки, сталкивались плечами в узком коридоре. Содержимое узлов и сумок звенело. Толстяк впивался миниатюрными пальцами в седой пушок на складчатом скальпе, и пушистый енот в точности повторял его жесты, снуя у ног.

– Хватит, перестаньте! – запричитал толстяк и врезал сафьяновым сапожком под зад неуклюжему слуге. Ягодица, по которой пришелся удар, смялась. Слуги, словно бы гуттаперчевые, были зомби, их щедро поставлял коллегам Номса Махака, чернокожий колдун. Умиравших от оспы или ильной холеры рыбаков доставляли в покои Махаки, и, лишившись личности, они становились сильными, но неповоротливыми, годящимися разве что валуны таскать.

– Я сам! – Толстяк, фыркая, отобрал у слуги мешок с корабельными лаками. Енот – вернее, существо, выглядящее

как енот, – вцепился в узел, набитый гримориями.

Зомби заторможенно гребли лапами пустоту; опомнившись, потеснились к стенам.

– Я велю Махаке сослать вас на галеры! – брызнул слюной толстяк. Услышал шаги в тоннеле и подобрался, напряженно рассматривая полутьму, подсвеченную масляными лампами.

– Доброе утро, – сказала гостя, выскальзывая из-за угла.

Толстяк – его звали Гарри Придонный и он заведовал лаками, лампами, шкатулками с попутным ветром и заговоренными парусами для флотилии милорда – расслабленно выдохнул. Он, конечно, узнал даму, появившуюся в коридоре Северной башни. Венона Банти была управляющей при Совете тринадцати, первой женщиной-батлером Полиса. В ее задачу входила организация приемов и званых обедов, распределение служащих и подмастерьев, снабжение придворных колдунов всем необходимым, от крысиных кишок до драгоценных вин. Лишь четверо из Совета, их называли «Четверо Старых», не пользовались услугами батлера. Самоизолировавшиеся от мира, они вообще не нуждались в пище.

– Переезжаете? – Венона обвела угольно-черными глазами пожитки Гарри.

– Я так больше не могу, – признался колдун. – С тех пор как Георг вскрыл этот чертов склеп, не было ни одной спокойной ночи. Что-то рыскает по Северной башне. Пропадают служки. Даже Гром, – Гарри посмотрел на своего фамильяра, – даже он боится.

Енот, как бы подтверждая слова хозяина, спрятался за мешком.

– Что говорит сам Нэй? – спросила Венона.

– Нэй ничего не говорит. Там, – Гарри брезгливо мотнул головой, подразумевая шумный и бестолковый мир снаружи уютных подвалов, – там наступил май. Ты же знаешь, в первых числах мая его не сыскать днем с огнем.

– Знаю, – погрустнела Венона.

Гарри прикусил улыбку. Венона Банти следила за подмастерьями колдунов, но и колдуны следили за управляющей с помощью фамильяров. Придонный дернул за нить, и Гром отправил ему в мозг живую картинку: Венона извивается в объятиях Георга Нэя, ее смуглая кожа сверкает каплями пота, ее лоно пышет жаром, принимая жезл любовника, рассыпаются по взмыленному телу косички. Венона сходила с ума от Нэя, но, похоже...

– Похоже, наш Георг нашел себе новую пассию, – не без тайного злорадства сказал Гарри.

Губы Веноны изогнулись, словно от боли, глаза сделались еще темнее.

– Может быть, прекратятся его майские загулы. Кстати, куда он вообще девается в мае?

– Он не рассказывал. – Любовница Нэя потрянула сотней косичек. – Гарри, что за пассия? Та грудастая повариха?

Прошлую подружку Нэя, смазливую гувернантку, атаковали в парке имени Маринка среди бела дня. Ее облили кис-

лотой, навек изуродовав, а в Оазисе уродство было не в почете – бедняжку сослали к речникам, с глаз долой. Пришлось Веноне снова утешать Нэя.

Выросшая среди мстительных северян, управляющая не терпела конкуренции.

– Вы скоро познакомитесь. – Гарри откровенно наслаждался душевными муками Веноны. – Когда Георг объявится, он распорядится переселить к нему своего подмастерья.

– Но у Нэя никогда не было подмастерьев...

– Теперь будут. Девушка из Кольца.

– Плебейка? – охнула Венона. – Колдующая плебейка?

– Колдующая или нет, но исключительно хороша собой.

Георг брал ее в плавание на Косматый маяк.

– Он рекомендовал на должность капитана простого матроса, а теперь приведет в Оазис рыбацкую дрянь?

– Течение несет нас в тартарары. Сперва управляющим назначают женщину, потом уберут крепостные стены между Оазисом и вонючими рыбаками.

Венона проглотила колкость.

– Значит, девка появится по возвращении Нэя?

– И будь с ней особо вежлива. Думаю, она действительно важна для нашего Георга.

– О. – Венона улыбнулась некрасивой белозубой улыбкой. – О, поверь мне.

Где-то в чреве катакомб родился гулкий вибрирующий звук. Гром метнулся к хозяину, вскарабкался по штанине и

исчез под сюртуком. Гарри поежился озираясь. Зомби подхватили мешки.

– Так зачем ты приходила? – спросил Гарри.

– А... наш писака.

– Бабс? – Гарри хмыкнул. – Что он опять учудил?

Джон Бабс был популярнейшим литератором Сухого Города. В отличие от собратьев по перу он не сочинял философские трактаты или наставления для юношества. Его короткие романы переполняли дуэли, путешествия, битвы с монстрами. Жители Полиса разбирали их как крабовые пирожки на День Творца. Истории, пересказываемые неграмотными обитателями рыбацких хижин, тоже зачастую приходили из-за стены, со страниц тоненьких книжиц. «О победителе кракенов», «О победителе пиратов», «Снова о победителе кракенов» – главным героем всех восторженных романов был Георг Нэй. А кем был таинственный Джон Бабс, знали немногие. Судачили, что неуловимому автору покровительствует прототип его книжек. Или что Нэй лично пишет под псевдонимом приукрашенную автобиографию.

Отдельные колдуны возражали против разглашения магических тонкостей. Но никаких секретов Бабс не раскрывал, он лишь неумно и чрезмерно любовался своим кумиром. А колдуны завидовали, что девушки Оазиса зачитываются приключениями Нэя, а не их приключениями. Вот если бы Бабс писал про то, как зеленомордый травник Аэд Немед смешивает настойки, а Номс Махака чешет задницу посохом

из берцовой кости великана...

Бабса охраняло мощное заклятие анонимности – Гарри помнил артефакт, привезенный Нэем с Архипелага Несуществующих. И догадывался, куда приятель дел сей магический предмет.

– Не читал его свежий рассказ? – спросила Венона.

– Пролистал.

– Писака явно бывал здесь, в Северной башне.

– Может, это кто-то из наших зомби занялся творчеством?

– Я обязательно выясню.

– Немед приказал?

– Нет. Не хочу, чтобы по башням шастали чужаки.

– Скоро мы сами будем чужаками в башнях.

Гарри забросил на плечо мешок с колбами и сказал, проходя мимо Веноны:

– Этот мир катится в глотку Левиафану. Мы погубили Гармонию, когда позволили женщинам жить рядом с нами. Я счастлив, что у меня пусто в штанах.

Гарри Придонный ушел за носильщиками. Возле Веноны остался одинокий зомби.

– Девка? – Управляющая посмотрела в одутловатое лицо слуги. – Через мой труп.

Быстрым движением она погрузила указательный палец в глазницу зомби, выковыряла глазное яблоко и бросила на пол. Топнула сапогом, слизь запятнала камни. Зомби без-

участно пялился в пустоту оставшимся глазом.

– Через мой труп, – повторила Венона.

* * *

Майское солнце взошло над залатанными лачугами, пригрело черные от золы фасады. Зловонная жизнь завелась в выгребных ямах на задворках устричного рынка. Растапливая холодные сердца рыбаков, солнце золотило мирную гладь Реки. Рыбацкие суденышки уходили на промысел, суровые мужчины тайком подносили к губам глиняные и деревянные фигурки малых богов, просили обитателей ила подсобить, послать удачу. Мерцающие буйки отмечали черту, за которую запрещено было плавать без особого разрешения или лицензии Речника, не важно, что крупная рыба ушла всего на пару ярдов от границы.

Лита, дочь Альпина, лежала на крыше дома, где родилась, выросла, где состарится и умрет, ибо так принято в Кольце; лежала между печными трубами, подсунув под голову руки, и наблюдала за бесконечной процессией облаков. Отец поаукал внизу и, чертыхнувшись, потопал к пристани. Нэй, человек-жаба, не соврал. Через три дня после возвращения Литы из северных вод Совет Кольца, по указу из Оазиса, даровал Альпину ял, длиннохвостую парусную лодку, сработанную вагландскими мастерами. Вагланд был союзным государством, выращивающим лес на архипелаге. Когда-то мо-

лодая красавица из Вагланда влюбилась в залетного рыбака и пожертвовала будущим, перебравшись в зловонный обод, окольцевавший дворцы Полиса. Так на свет появилась Лита.

Лодка была прекрасна. Легкая, четырехвесельная, шесть футов от киля до планширя. Соседи, владевшие одностыльными кораклами из ивовых прутьев, завистливо присвистывали, а Альпин раздувался от гордости, как рыба-еж. Отец больше не грозился скормить Литу ракам за почти месячное отсутствие. Он был простым человеком, ворчливым, добродушным, ограниченным. Он благодарил за отменный улов Творца Рек, но это его дочь, безалаберная и неудачная, как Альпин втайне считал, заманивала в сети треску и зубатку, прибегая к колдовству.

Солнышко припекало. Удивительно, совсем недавно Лита кралась по сугробам, пряталась с Нэем и Сынком в ледяных расщелинах, спотыкалась о занесенные снегом мерзлые трупы. Воспоминания о проклятом острове, где не прекращалась война, накатывали волнами, и то не были спокойные волны, шуршащие о борт нового отцовского яла. Нэй и лекарства солдат Феникса побороли обосновавшуюся в легких болезнь. В Полис она возвратилась здоровой. Физически. Но сны были хуже хвори. В кошмарах горбоносый комендант крепости показывал ей прямоугольник с живыми картинками, с огнедышащими черепахами и сеющими погибель железными птицами. Конвоир, которому она, освободившись от оков, голыми руками свернула шею, снова и снова умирал

на ее глазах. Лита завидовала Сынку: коллега Нэя обманом покопался в его мозгах и избавил парня от жутких образов.

«Нэй, щучий выродок! Почему всякий раз ты впутываешь меня в какой-то кошмар?»

Нэй не ответил на немой вопрос. Сейчас он, наверное, парил свою задницу в мраморных банях Оазиса или вещал о подвигах пылкой гувернантке. И с какой стати мысли о пассиях Жабы Нэя обжигали нутро похлеще, чем память о падающих с неба бомбах?

«Надеюсь, я больше никогда с тобой не встречусь».

Чтобы не думать ни о колдуне, ни об острове прирученного электричества, Лита прикрыла веки и отправилась в ментальное путешествие. Она поприветствовала котов, что нежились у трактира, и разбудила канарейку косой Лиззи, учившейся с Литой в одной школе. Птичка поведала, что Лиззи, пока Лита плавала к черту на рога, лишилась мочек. Избранником бывшей однокашницы стал ее же двоюродный дядя.

Одурманенная дешевым вином, по улице проковыляла вдова дегтярника Ирма. За ней семенила собака, мохнатая, с дымчатыми подпалинами. Лита юркнула в разум животины и тут же отдернулась. За мгновение она узнала, что псина повинна в смерти дегтярника и двоих детей Ирмы. Гуляя у ледников, домашняя питомица подхватила заразу. Передала ее хозяину и малышам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.